

На правах рукописи

СМИРНОВ ВАДИМ АНАТОЛЬЕВИЧ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
ЛАТВИИ, ЛИТВЫ И ЭСТОНИИ (1990-2019 ГГ.)**

Специальность 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание

учёной степени доктора политических наук

Москва – 2020

Работа выполнена в ФГБУН «Институт Европы РАН»

- Научный консультант:** **Громыко Алексей Анатольевич**
доктор политических наук, член-корреспондент РАН,
директор ФГБУН «Институт Европы РАН»
- Официальные оппоненты:** **Еремина Наталья Валерьевна,**
доктор политических наук, профессор кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета
- Ледяев Валерий Георгиевич,**
доктор философских наук, профессор кафедры анализа социальных институтов факультета социальных наук НИУ «Высшая школа экономики»
- Соловьев Александр Иванович,**
доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова
- Ведущая организация:** ФГАОУВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Защита состоится «_____» _____ 2020 года в _____ часов на заседании совета Д 002.031.02. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора/кандидата наук при ФГБУН «Институт Европы РАН» по адресу: 125009, г. Москва, Моховая ул., дом 11, стр. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБУН «Институт Европы РАН» (г. Москва, Никитский переулок, д. 2). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ФГБУН «Институт Европы РАН» по интернет-адресу: <http://instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/dissertatsionnye-sovety/dissertatsionnye-sovety2020>

Автореферат разослан «_____» _____ 2020 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат политических наук

Фёдоров Сергей Матвеевич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Образовавшиеся после распада Советского Союза и социалистического содружества страны демонстрируют различные траектории развития. Тридцать лет назад, стремясь к обособлению от союзного Центра, их политические элиты имели общую цель: становление независимых государств. Им принадлежала ведущая роль в формировании новых параметров политического функционирования, установлении на системной основе контроля над ключевыми институтами, определении целей и задач на будущее. Выбранные элитами пути и наблюдаемые к настоящему времени результаты пройденных трансформаций в каждом случае индивидуальны.

Единственные из бывших советских республик, властные группы которых в рамках глубоких и подчас болезненных трансформаций реализовали переход от «восточной» к «западной» политэкономической модели, добились присоединения к основным евроатлантическим интеграционным форматам, – это страны Прибалтики: Латвия, Литва и Эстония. Их «возвращение на Запад» (для переломных 1990-х гг. был характерен лозунг «Назад в Европу») сопровождалось всплеском националистических настроений, демонтажем советских органов власти, созданием обновленной структуры управления, нарастанием социальной фрагментации на фоне сложных реформ, отказом от политики нейтралитета, ослаблением связей с Россией и т.д.

В ходе трансформации социального устройства в странах Прибалтики менялся и состав их политических элит. Были подорваны позиции экономенклатуры. Обострилось соперничество между кадрами, вышедшими из советской партийно-управленческой системы. В новых условиях они конкурировали не только с бывшими коллегами, но и иными претендентами на власть: с кандидатами от интеллигенции, бизнеса, зарубежных эмигрантских общин. Сочетание представителей этих четырех групп определяло структурную динамику политических элит. От выборов к выборам состав элит менялся, появлялись и распадались властные коалиции, создавались и исчезали партии и движения, разгорались политические кризисы, одни лидеры сменяли других. Процесс трансформации властных групп в странах Прибалтики набирал силу постепенно и зависел от многих факторов.

Актуальность темы обусловлена масштабными переменами в обществах стран Прибалтики, становлением в условиях независимости новых каналов и механизмов формирования властных групп, сменой внутри- и внешнеполитических приоритетов Латвии, Литвы и Эстонии. Специфика данных процессов, влияние ключевых внешних и внутренних факторов на отношения стран Прибалтики с Россией требуют комплексного изучения. Лимнологическое положение, которым обладают эти три бывшие советские республики, находясь на стыке НАТО и ОДКБ, ЕС и ЕАЭС, делает крайне важным, с точки зрения интересов Российской Федерации в данном регионе, детальное понимание основных тенденций, механизмов и перспектив взаимодействия на высших политических уровнях в Латвии, Литве и Эстонии.

Объект исследования – политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии.

Предмет исследования – особенности и тенденции трансформации властных групп и их роль в политической жизни обществ стран Прибалтики.

Хронологические рамки – период с 1990 г. по 2019 г.: от провозглашения независимости стран Прибалтики (последней это сделала Латвия в мае 1990 г.) и демонтажа прежних институтов управления до формирования элитами современного политического порядка. Анализ в рамках указанного периода позволяет провести комплексное исследование факторов, определивших специфику данного процесса.

В качестве научной **гипотезы** выдвинут тезис о том, что, несмотря на ряд различий в странах Прибалтики, с 1990-х гг. происходили схожие процессы трансформации политических элит, становление которых обусловлено принципом государственного континуитета как преемственности с довоенными режимами Латвии, Литвы и Эстонии и разрывом с советским прошлым. Результатом борьбы элит за власть в 1990-е гг. стало закрепление в обществах стран Прибалтики глубоких «кливажей» – этнических, языковых, политических, которые ограничивают конкуренцию властных групп и способность политических систем к обновлению. После реализации идеи «возвращения в Европу» элиты стран Прибалтики заменили ее «российской угрозой», что позволило отложить преодоление внутренних расколов, чреватых ослаблением их власти.

Поставлена **цель** выявить основные факторы трансформации каналов и механизмов формирования властных групп, определить общие и особенные черты данного процесса, соотнести их с ключевыми решениями элит, определившими политические приоритеты стран Прибалтики в новейшее время.

В диссертационном исследовании поставлены следующие **задачи**:

- дать теоретическое обоснование комплексного подхода к изучению политических элит с учетом внутри- и внешнеполитических факторов;
- проследить системообразующие тенденции трансформации политических элит Латвии, Литвы и Эстонии на протяжении последних 30 лет;
- определить ключевые факторы и противоречия, обусловившие элитное рекрутирование и основные расколы в изучаемых странах;
- выявить основные каналы рекрутирования властных групп и механизмы внутриэлитного взаимодействия в странах Прибалтики;
- проанализировать изменения в структуре властных групп рассматриваемых стран и их влияние на проводимую политику;
- раскрыть подходы к определению внешнеполитического курса Литвы, Латвии и Эстонии на современном этапе;
- сформулировать возможные сценарии политического диалога России и стран Прибалтики и рекомендации по его нормализации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Трансформация властных групп Латвии, Литвы и Эстонии проходила в схожем политико-историческом контексте. Однако вести речь о единой «элите Прибалтики» как консолидированной на межгосударственном уровне общно-

сти властных групп трех стран не корректно. Выявлены общие черты трансформации властных групп Латвии, Литвы и Эстонии, но вместе с тем – и особенности, свойственные каждой стране. Так, в элитах Эстонии меньше всего представителей экс-номенклатуры, Латвия лидирует по количеству ставленников бизнеса во власти, Литва – по числу выходцев из зарубежных диаспор. Сегодня элиты стран Прибалтики чаще становятся конкурентами, чем единомышленниками, хотя и сохраняют при этом элементы политической координации по вопросам евроатлантической интеграции, безопасности и политики на российском направлении.

2. Выход стран Прибалтики из состава Советского Союза значительно изменил структуру их политических элит. Однако резкой одномоментной смены властных групп не произошло. Опыт советского периода сохранил свое воздействие на политические процессы вплоть до настоящего времени. В первые годы независимости до 40% политических элит Литвы, Латвии и Эстонии составляли выходцы из экс-номенклатуры. Коалиции с представителями бизнеса (часто бывшие аппаратчики сами превращались в миллионеров) и административно-хозяйственный опыт содействовали их политическому долголетию. Однако влияние экс-номенклатуры при определении стратегического курса своих государств не было решающим. Представители властных групп советского периода постепенно «вымывались» из политического процесса (их остается 5-10%). Количество выходцев из бизнеса составляет свыше 30%.

3. Мощный всплеск гражданской активности, развитие гражданского общества стран Прибалтики в период провозглашения их независимости содействовали оформлению новой, ранее не существовавшей властной группы – «политики морали». В ее составе: представители творческой и научной интеллигенции, участники «зеленых» движений, писательских организаций, христианских союзов, объединений за национальную независимость, обществ охраны памятников и т.д., имевшие амбиции по изменению политического порядка. В основном они сумели выдвинуться по линии Конгрессов и Народных фронтов в Латвии и Эстонии, «Саюдиса» в Литве. В первые годы независимости «политики морали» доминировали, составляя до 55% властных групп. Подавляющее большинство не имели политического опыта и управленческих навыков, однако, пользуясь доверием общества, добивались значительных политических высот: писатель Л. Мери стал президентом Эстонии, музыковед В. Ландсбергис – председателем сейма Литвы, физик И. Годманис – премьер-министром Латвии. В условиях независимости их задачей была не столько отладка бюрократических механизмов, сколько легитимация нового политического порядка. Сегодня в составе властных групп количество представителей творческих и научных кругов по-прежнему значительно, однако свойственная в начальный период независимости функция «конструкторов» нового порядка ими уже утрачена.

4. Трансформация элит Латвии, Литвы и Эстонии развивалась поэтапно, во взаимосвязи с внутренними политическими и социально-экономическими процессами, а также под воздействием внешнего влияния России, США и ЕС на данные малые страны. Оказавшись после выхода из СССР на перепутье, обще-

ства стран Прибалтики довольно быстро приняли стратегию евроатлантической интеграции, предложенную властными группами новейшего времени. Смена ценностных ориентиров представителей элит опережала аналогичный процесс среди массовых слоев населения. Существенный вклад в форсированную переориентацию на евроатлантическую группу государств внесли выходцы из зарубежных диаспор, которые покинули Латвию, Литву и Эстонию после присоединения к СССР и осели в основном в Северной Америке. Эмигранты, или как они себя называли «изгнанники», выполняли роль «хранителей» традиций довоенной Латвии, Литвы и Эстонии и одновременно «проводников» в политико-дипломатических кругах США и Евросоюза. Принадлежность к государствам Евроатлантики содействовала их политическим карьерам, хотя и воспринималась населением и политическими конкурентами неоднозначно. При скромном количественном присутствии во властных группах (до 4%) представители эмигрантских кругов сумели занять в трех странах ключевые позиции в парламентах и правительствах, получить президентские посты.

5. Относительно бесконфликтный выход из СССР на фоне обеспечения задачи национального строительства в новых условиях сопровождался ускоренными и радикальными мерами по легитимации нового политического порядка и консолидации обществ. В основу политических режимов элиты Латвии, Литвы и Эстонии заложили схожие политико-правовые элементы: привилегированное положение титульных наций (институты «неграждан» в Латвии и Эстонии, тлеющий конфликт с польским меньшинством в Литве); криминализация отрицания «советской оккупации» в Литве и Латвии; уравнивание советской и нацистской символики; ограничения на использование русского языка. Укоренились неформальные практики внутриэлитного взаимодействия, ослабляющие политические институты. Их искоренению препятствует обильное рекрутирование во властные группы представителей бизнеса, тяготеющих к коммерциализации политики, а также сложившаяся еще в советские годы своеобразная традиция неформальных связей, в т.ч. коррупционных, как «акт протеста» против политики союзного Центра.

6. В результате выбранной властными группами стратегии «сплочения» в обществах стран Прибалтики сложились глубокие расколы – языковой, этнический, политический. Они не преодолены до сих пор и оказывают системное влияние на внутреннюю и внешнюю политику, сужая арсенал доступных элитам политических инструментов. Вступление в Евросоюз и НАТО в 2004 г., несмотря на явное противоречие сложившегося в Прибалтике порядка западному «канону» в сфере демократии и прав человека, не оздоровило ситуацию. Потенциал этнических партий как механизма элитного рекрутирования ограничен. Карьерные перспективы предоставляют «обычные» партии – как правило те, ядро которых составляют выходцы из экс-номенклатуры (Социал-демократическая партия Литвы) и умеренного крыла Народного фронта (партия «Согласие» в Латвии, Центристская партия Эстонии). В Латвии и Эстонии элиты этих стран ограничили права нетитульных групп и установили конкуренцию на выборах «для своих», что обусловило фасадный характер демократических

институтов и укрепило влияние неформальных практик. В Латвии и Эстонии отмечено рекрутирование в правительство (в основном через партии титульного большинства: Партия реформ Эстонии, Партия реформ Латвии, «Единство») тех, кто имеет русское происхождение, но при этом с русской общиной слабо или почти не связан. Такие случаи не имеют массового характера, этнополитический раскол сохраняется. Попытки становления «прозападных» политических проектов с участием местных русских граждан («Европейское русское движение Латвии») не получают электорального отклика. Говорить о складывании в странах Прибалтики особых общин «европейских русских» преждевременно, хотя влияние на них членства в ЕС (особенно на молодое поколение) очевидно.

7. Партии в целом стали важным инструментом борьбы элит. Конкурируя за власть, правящие группы стран Прибалтики, в основном правых взглядов, неоднократно добивались изоляции оппонентов: классической иллюстрацией служит партия «Согласие», которую обвиняли в «пророссийских установках» и не допустили к формированию правительства Латвии, несмотря на лидерство в ходе выборов 2011, 2014 и 2018 гг. Сформированные к настоящему времени в странах Прибалтики партийные системы умеренного плюрализма остаются достаточно фрагментированными. В меньшей степени это характерно для Эстонии, в большей – для Литвы и особенно для Латвии, в которой за 9 электоральных циклов в период независимости сменилось 21 правительство. Зависимость партий от бизнес-структур (миллионер В. Успасских контролировал Партию труда в Литве, миллионер А. Шкеле – Народную партию в Латвии, миллионер О. Осинковский – Социал-демократическую партию в Эстонии и т.д.), характерная для 2000 – 2010-х гг., постепенно снижается.

8. Решающее влияние на становление политических элит стран Прибалтики оказал утвержденный властными группами первых лет независимости (в первую очередь – «политиками морали» и представителями диаспор) принцип континуитета. В его основе тезис о «прерванной государственности» Латвии, Литвы и Эстонии в связи с их вхождением в 1940 г. в СССР и о ее «восстановлении» после 1990 г. Советский период квалифицирован как «оккупация». В отношении данных установок, в соответствии с которыми сформировалось поколение политиков, не имевших советского опыта, утвердился элитный консенсус. Их отрицание блокирует политическую карьеру. Принцип континуитета использован доминировавшими в начале 1990-х гг. элитами для консолидации своей власти с целью обезопасить новый политический режим и отсеять более опытную экс-номенклатуру и будущих конкурентов. Одновременно идея континуитета прочно вплетена во внешнеполитическую концепцию «возвращения в Европу», служившую обоснованием интеграции в ЕС и НАТО.

9. После вступления в ЕС и НАТО концепция «возвращения в Европу» была формально реализована, цель достигнута. Возникший идейный дефицит способствовал внутренним расколам, нарастанию недоверия общества к политическим институтам, укреплению популистских сил. В Латвии и Литве, в отличие от Эстонии, недоверие правительственным, парламентским властным

кругам, представителям партийных структур закрепились на уровне существенно выше среднего в ЕС. Стремясь удержать власть, элитные группы регулярно используют инструменты из арсенала политического популизма. Элиты Латвии и Литвы подвержены влиянию восточноевропейской правой политической традиции, элиты Эстонии – североευропейской. Примечателен опыт Эстонии, где правопопулисты из Народно-консервативной партии EKRE стали важной частью правящей коалиции, Латвии – с популистской партией «Кому принадлежит государство», Литвы – с персоналистским политическим проектом Р. Паксаса (движение «Путь мужества») и пр. Находят свою электоральную базу и евроскептические идеи: в большей степени это свойственно для Эстонии (EKRE – «отрицающий евроскептицизм») и Литвы («Избирательная акция поляков Литвы» – умеренный евроскептицизм). В целом ориентация на ЕС сохраняется, однако доверие общества к основным властным институтам ослабляется на фоне развития практик фасадных демократий.

10. Властные группы в качестве одного из опорных инструментов поддержания внутриэлитного консенсуса и сохранения контроля над политическими процессами использовали «российскую угрозу». Эта установка не была снята после вступления стран Прибалтики в НАТО, а наоборот сделана системообразующей. Во внутренней политике «российская угроза» служит сплочению элит, повышению их управляемости, помогает ретушировать проблемы как в экономике, так и в сфере прав нетитульных групп. Во внешней политике она позволила странам Прибалтики занять свою нишу в Евроатлантике, привлечь внимание Брюсселя и Вашингтона к обеспечению своей безопасности. Безопасность трактуется властными группами Латвии, Литвы и Эстонии в широком смысле: Россия связывается с угрозой в военной, политической, экономической, гуманитарной сферах. Одним из приоритетов определена политика памяти, особенно о Второй мировой войне. Элиты стран Прибалтики, действуя во взаимной координации в Европарламенте, ПАСЕ, иных многосторонних институтах, содействуют дрейфу в ЕС от нарратива общей вины к нарративу общей угрозы. Тем самым создается дополнительная напряженность между Россией и ЕС. Наибольшей активностью в этом вопросе отличаются элиты Литвы. Борьба с «российской угрозой» поддерживает «прибалтийское единство». Предпринимаемые элитами усилия по «демократизации» стран постсоветского пространства, в первую очередь Украины, Грузии, Молдавии и Белоруссии, сочетаются с конфронтационным подходом к России.

11. Политической воли отдельных представителей элит (Н. Ушаков в Латвии, Р. Паксас в Литве, Э. Сависаар в Эстонии и др.) недостаточно, чтобы преодолеть негативную инерцию в российско-прибалтийском взаимодействии. Это же относится и к попытке нормализации двусторонней повестки через расширение бизнес-связей. Некогда крепкие деловые контакты российских инвесторов с партнерами в странах Прибалтики (в сфере транзита грузов и логистики, банковских услуг, недвижимости и т.д.) не привели к значимым позитивным подвижкам в политике элит Латвии, Литвы и Эстонии в отношении России. С 2016 г. Россия последовательно перенаправляет свои грузопотоки из портов стран При-

балтики в порты Северо-Западного федерального округа. С 2020 г. деятельность российских торгпредств в этих странах приостановлена. В среднесрочной перспективе сохранение с незначительными страновыми нюансами конфронтационного подхода властных групп стран Прибалтики к России представляется наиболее вероятным сценарием. В Заключении данной диссертации изложены конкретные рекомендации по реализации российской политики на прибалтийском направлении.

Теоретическая и методологическая основа исследования. С целью комплексного изучения трансформации политических элит стран Прибалтики автором использована интегративная методология, в основе которой социально-деятельностный и структурно-функциональный подход, методы компаративного и системного анализа, исторического и правового подходов. Изучение причин и следствий перемен властных групп проведено на основе рассмотрения масштабных социально-политических трансформаций наряду с анализом индивидуальных практик. Данная конструкция предполагает, что элиты, с одной стороны, способны менять и создавать новые политические структуры, с другой – сами трансформируются под их воздействием.

При рассмотрении формальных и неформальных практик внутриэлитного взаимодействия в странах Прибалтики, анализе внутриполитических аспектов становления властных групп Латвии, Литвы и Эстонии исследование опирается на теорию нового институционализма.

В работе применяются устоявшиеся термины и понятия, развитые в зарубежной и отечественной политической науке, в первую очередь – в теории элит. Среди них опорными являются: трансформация, политические элиты, структурная динамика политических элит, малая страна и др.

Простая совокупность, механическая сумма персоналий, занимающих ключевые властные позиции, не может быть охарактеризована как политическая элита. Такая группа должна соответствовать критерию влияния: быть способной оказывать фактическое, а не номинальное воздействие на принятие важнейших с политической точки зрения решений. Кроме того, необходимо соответствовать критерию субъектности, то есть выступать в роли такого источника социально значимых изменений, который способен обеспечить их реализацию, даже несмотря на противодействие оппонентов.

К определению политических элит автор подходит согласно критерию непосредственного доступа к воздействию на систему органов государственной власти. Данный подход можно назвать государствоцентричным, позволяющим выделить среди участников политического процесса такую группу лиц, члены которой контролируют совокупность важнейших во внутри- и внешнеполитическом измерениях государственных функций. В качестве синонима в работе используется понятие «властные группы».

Структурная динамика политических элит рассматривается как смена каналов, механизмов, факторов формирования политических элит и специфики внутриэлитного взаимодействия. Трансформация политических элит определяется как процесс структурной динамики властных групп, изменение принципов

элитного рекрутирования и внутриэлитного взаимодействия, связанных с формированием новой политической системы государства. Точкой отсчета данного процесса служит демонтаж предыдущего порядка. Становление политических элит завершается с преодолением дисфункциональности политической системы через формирование устоявшихся правил и норм, регулирующих возможности систематического и значительного воздействия на государственные институты для достижения политических целей.

Комплексное изучение трансформации политических элит малых стран, к которым относятся страны Прибалтики, предполагает рассмотрение как внутри-, так и внешнеполитического аспекта. При анализе влияния международных факторов, а также логики принятия властными группами Прибалтики ключевых решений во внешнеполитической сфере, использована теория малых стран.

Малая страна определяется как государство, властные группы которого в силу ограниченности собственных ресурсов неспособны самостоятельно обеспечить военно-политическую и экономическую безопасность, в связи с чем оно вступает в асимметричные отношения с крупными странами или межгосударственными объединениями, полагаясь на их поддержку.

Изучение структурных аспектов трансформации элит проведено на основе сочетания позиционного и репутационного подходов. Использованы инструменты количественного и качественного анализа. В рамках позиционного подхода принадлежность к политической элите определяется на основании формально занимаемых должностей. Однако более высокая иерархическая позиция не гарантирует ее обладателю реальную, а не номинальную власть. Также использован биографический метод, основанный на информации о профессиональных траекториях и связях представителей элит. Репутационный подход дает возможность заглянуть «за кулисы» власти, оценить неформальные связи и расстановку сил. Метод коллективной экспертной оценки, а также глубинные интервью с представителями различных элитных групп позволяют анализировать распределение центров влияния в динамике.

Изучение функциональных аспектов проведено на основе разработанного в теории элит решенческого (десизионного) подхода, рассматривающего элиты через призму реконструкции историко-политического контекста при принятии властными группами решений, имевших важное государственное значение. Анализ функций властных групп во внутри- и внешнеполитических процессах послужил основой для определения тенденций будущих трансформаций элит.

Правовой подход использован при анализе Конституций и законодательства стран Прибалтики (в т.ч. на стадии провозглашения независимости) с целью определения институциональных рамок взаимодействия властных групп и выявления их приоритетов, отраженных в ключевых правовых актах.

Компаративный подход применен при изучении различных аспектов трансформации властных групп. Анализ стран Прибалтики требует сопоставления их между собой с целью установления общих и особенных черт.

Исторический подход позволил рассмотреть трансформацию политических элит Латвии, Литвы и Эстонии в конкретный хронологический период, выявить страновую специфику на различных этапах изменений.

Метод сценирования использован при определении прогнозных вариантов развития политического диалога между Россией и странами Прибалтики.

Степень научной разработанности проблемы. Классическое научное изложение теории элит относится к началу XX в. Формирование В. Парето, Г. Моска, Р. Михельсом¹ понятийного аппарата («элиты», «политический класс», «правлящий класс» и т.д.), исследование вопросов типологизации и механизмов рекрутирования, смены властных групп («львы» и «лисы», история как «кладбище» элит-аристократий), анализ М.Я. Острогорского² идеи обособления привилегированных групп в политических организациях на примере партий, осмысление М. Вебером³ проблематики власти и господства, иерархического принципа социального устройства велись на фоне укрепления политических течений того периода (особенно левой идеи⁴), развития партийных структур, расширения политической мобилизации граждан в период военных и социальных потрясений в Европе первой половины XX в.

Следующий этап в развитии теории элит связан с окончанием Второй мировой войны, формированием биполярного мирового устройства и распространением в этом контексте в западных общественных науках концепции модернизации, впоследствии – демократизации. Во второй половине XX в. теория элит обогатилась за счет разработок Дж. Голдстоуна, Т. Скочпол, Ч. Тилли на основе идей П. Сорокина⁵ о социологии революций, что позволило изучить проблематику формирования, стабильности, разрушения социальных и государственных институтов, рассматривая в связке с ними структурную динамику и действия властных групп. Проводились обширные исследования в основном властных групп США и стран Западной Европы: анализировались границы политических элит⁶, их функциональные группы⁷ и внутриэлитное взаимодей-

¹ Mosca G. The Ruling Class (Elementi De Scienze Politica). N.Y.: McGraw-Hill Book Company, Inc, 1939; Моска Г. История политических доктрин: монография. М.: РУСАЙНС, 2016. 257 с.; Pareto V. The Rise and Fall of Elites: An Application of Theoretical Sociology. L.: Routledge, Taylor&Francis Group, 2017; Парето В. Трансформация демократии / Пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего, 2011. 206 с.; Michels R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. New York: [s.n.], 1959.

² Острогорский М.Я. Демократия и политические партии / Политология / сост. проф. М.А. Василик. М., 1999.

³ Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4 т. Т.4. / Пер. с нем. под ред. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 542 с.

⁴ Подробнее анализ полемики см.: Best H. Marx or Mosca? An Inquiry into the Foundations of Ideocratic Regimes // Historical Social Research. 2012. No. 139. Special Issue. P. 73–89.

⁵ Sorokin P. The Sociology of Revolution. Philadelphia: J. B. Lippincott Co. 1925; Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; Tilly C. European Revolutions, 1492 - 1992. London: Wiley-Blackwell. 1996; Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Front Cover. New York: University of California Press, 1991.

⁶ Mills R. The Power Elite. New York : Oxford University Press, 1956; Dahl R. Who Governs? Democracy & Power in an American City. New Haven : Yale University Press, 1961; Domhoff W. Who Rules America? New Jersey : Prentice-Hall, 1967; Riesman D. The Lonely Crowd. A Study of Changing American Character / D. Riesman, N. Glazer, R. Denney. New York : Doubleday, 1953.

⁷ Keller S. Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. New York : Random House, 1963.

ствие⁸. Развивались позиционный и репутационный подходы к анализу властных групп, изучались проблемы легитимности элит⁹.

Высокая плотность политических изменений, в ходе которых важность субъективного фактора возрастает, определили для элит как ключевого элемента политической системы одно из центральных мест в политических процессах и научных исследованиях второй половины XX – начала XXI вв.

Концепция модернизации дала основания для оформления транзитологического подхода, рассматривающего элиты как операторов «естественных» процессов политического развития – от менее развитых («авторитарных») к более развитым («демократическим»). К концу XX в. исследования элит в зарубежной политологии заметно активизировались: в фокусе внимания оказалась Восточная Европа и постсоветское пространство. Центральным понятием стало «соглашение элит» (*elite settlements, pacted transition*), разработанное преимущественно американскими учеными М. Бартоном, Г. Филдом и Дж. Хигли¹⁰ в сотрудничестве с коллегами из других западных стран¹¹. Политические трансформации, которые в западной политологии были осмыслены как «демократический транзит», требовали понятийных моделей для интерпретации происходящих процессов и целеполагания новых элитных групп, потеснивших старые властные круги. В работах Дж. Хигли и его коллег по Восточной Европе эффективность политического режима увязана с уровнем сплоченности элит¹². Фактически этот тезис стал переложением ряда прежних исследований, одно из наиболее известных – работа американского ученого Р. Даля¹³, в которой с опорой на теорию элит разработана модель демократии как результат сложного процесса «торгов» и согласований между различными группами – полиархия.

Среди ключевых интеллектуальных центров развития исследовательских методик – университеты Германии и Италии. В частности, коллективы в Йене,

⁸ Hunter F. *Community Power Structure*. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1953; Putnam R. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1976; Useem M. *The Inner Group of the American Capitalist Class* // *Social Problems*. 1978. Vol. 25, No. 3. P. 225–240; Laumann E. *The Organizational State* / E. Laumann, D. Knoke. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

⁹ Kadushin C. *Power Circles and Legitimacy in Developed Societies* // *Legitimation of Regimes* / ed. B. Denitch. London : Sage, 1979. P. 127–140.

¹⁰ Field G. *Elitism* / G. Field, J. Higley. London ; Boston : Routledge ; Kegan Paul, 1980; Burton M. *Elite Settlements* / M. Burton, J. Higley // *American Sociological Review*. 1987. Vol. 52. No. 3. P. 295–307; Higley J., Kullberg, Pakulski J. *The Persistence of Postcommunist Elites* // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. No. 2. P. 133–147; Higley J. *Elites after State Socialism. Theories and Analysis* / J. Higley, G. Lengyel. New York ; Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, 2000; Higley J. *Elite Foundations of Liberal Democracy* / J. Higley, M. Burton. Boulder : Rowman & Littlefield. 2006; Higley J. *The Endangered West: Myopic Elites and Fragile Social Orders in a Threatening World*. New York: Routledge, 2017; Best H., Higley J. (eds.). *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Palgrave, Macmillan, 2018.

¹¹ Wasilewski J. *Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland* // *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe* / ed. by J. Higley, J. Pakulski, W. Wesołowski. N. Y. : St Martin's, 1998. P. 163–187; Dogan M., Higley J. *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Rowman and Littlefield Publishers, Boulder CO. 1998; Best H., Higley J. *Political Elites in the Transatlantic Crisis*. Palgrave, Macmillan. 2014.

¹² В данном случае Дж. Хигли вводит понятие идеологически объединенных элит. Подробнее см.: Best H. *Marx or Mosca? An Inquiry into the Foundations of Ideocratic Regimes* // *Historical Social Research*. 2012. No. 139. P. 73–89.

¹³ Dahl R. *Polyarchy*. New Haven : Yale University Press, 1971.

Бамберге и Сиене под руководством Х. Беста, У. Хофман-Ланге, М. Эдингера, М. Котта, Л. Вердичелли и др.¹⁴ реализовали значимые проекты по изучению властных групп стран Восточной Европы¹⁵. Отмечался, в частности, уникальный, стремительный характер изменения политических режимов – то, на что в «старых демократиях» у властных групп уходили десятилетия, здесь свершалось быстрее¹⁶. При формировании исследований по изучению элит восточно-европейских государств актуальной оказалась упомянутая выше аналитическая схема соглашения, пакта элит с точки зрения его влияния на смену режима¹⁷.

Как отмечал И. Беренд, «государственный социализм рухнул, т.к. коммунистические элиты утратили веру в себя и надежду на решение проблем в экономике»¹⁸. Внимание ученых привлек вопрос о соотношении циркуляции и воспроизводства властных групп. Значимые работы по этой теме выполнили ученые из Венгрии: А. Аг, А. Бозоки, Г. Лендьел, Э. Салаи, И. Селеньи, Э. Ханкиш, Г. Эяль и др.¹⁹ и Польши: Я. Василевский, Э. Внук-Липиньский, Я. Станишкис²⁰. Первоначально исследователи сошлись во мнении, что основ-

¹⁴ Best H., Cotta M. Parliamentary Representatives in Europe 1848-2000, Oxford, Oxford University Press, 2000; Best H. New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites // Comparative Sociology. 2007. No. 6. P. 85-113; Best H. Stabilizing Democracy in Eastern Europe under the Condition of Highly Volatile Political Elites // Ertékés Valóság. 2007. No. 8. P. 23-34; Edinger M. Elite Formation And Democratic Elitism In Central And Eastern Europe: A Comparative Analysis // Democratic Elitism. New Theoretical and Comparative Perspectives / Ed. by J. Higley, H. Best. P.127-149; Best H., Cotta M. Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence. Oxford: Oxford University Press, 2007; Best H., Edinger M., Semenova E. Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation. London: Routledge, 2013; Хофман-Ланге У. Ценностные ориентации и поддержка демократии среди элитных и массовых групп в новых и старых демократиях // Сравнительная политика. 2012. № 3. С. 4-23; Cotta M. On the Relationship between Party and Government // The nature of party government. A comparative European Perspective / ed.by J. Blondel, M. Cotta. L. : MacMillan, 2000; Verzicelli L. Elite network Analysis and Elite Patterns of Carriers / Integrated and United: A quest for Citizenship in an 'ever closer Europe' (IntUne Papers), University of Siena, 2007; Cotta M., Russo F. Europe Á La Carte? European Citizenship and Its Dimensions from the Perspective of National Elites / Europe of Elites / ed. Best H., Lengyel G., Verzicelli L. Oxford University, 2012.

¹⁵ Среди проектов выделим: *EurElit* (изучение парламентского сегмента элит стран ЕС, в т.ч. на уровне Европарламента – сначала рассматривалась Западная Европа, но впоследствии фокус внимания был расширен до 12 государств, в т.ч. и на страны Прибалтики), *IntUne* (в странах ЕС было сформировано 18 исследовательских коллективов, которые сумели опросить 2,3 тыс. представителей политической и бизнес-элиты). Стоит отметить и проект *SFB580* (научный центр при Йенском университете провел в 2003-2010 гг. исследование более 2 тыс. представителей парламентского сегмента элиты Германии).

¹⁶ Бест Г. Смена элит и процесс демократизации в Центральной и Восточной Европе / Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: сб. ст. / под. ред. Я.А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010. С. 29-36.

¹⁷ Wasilewski, J. Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland // Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe / eds. J. Higley, J. Pakulski, W. Wesołowski. New York : St Martin's, 1998. P. 163–187.

¹⁸ Berend I.T. From Plan to Market, From Regime Change to Sustained Growth in Central and Eastern Europe // Economic Survey of Europe, 2000. No. 2/3. P. 47-67.

¹⁹ Eyal G. Making Capitalism Without Capitalists : The New Ruling Elites in Eastern Europe / G. Eyal, I. Szelenyi, E. Townsley. London : Verso, 1998; Hankiss E. East European Alternatives. Oxford : Claredon Press, 1990; Szalai E. The Metamorphosis of the Elites // Lawful Revolution in Hungary, 1989-94 / Ed. by B. Liraly, A. Bozoki. Boulder: Social Science Monographs, 1995. P. 159-174; Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. Making Capitalism Without Capitalists : The New Ruling Elites in Eastern Europe. London : Verso, 1998; Agh A. The Politics of Central Europe. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998. 244 pp.; Bozoki A. Theoretical Interpretations of Elite Change in East Central Europe // Elite configurations at the apex of power / Ed. M. Dogan. Leiden: Brill, 2003. P. 215–223.

²⁰ Staniszkis J. The Dynamics of the Breakthrough in Eastern Europe: The Polish Experience. Berkley : California Press, 1991; Staniszkis J. Post-Communism, the Emerging Enigma. Warsaw: Polish Academy of Sciences, 1999. 366 pp.; Wasilewski J.,

ным процессом в возникших после распада СССР государствах стал «политический капитализм»²¹ – перемещение путем приватизации собственности экономенклатуры с политико-административных постов в бизнес. После дополнительных эмпирических исследований схема была уточнена: обоснован тезис о «коммунистической технократии» (представители второго эшелона имели больше шансов занять ведущие позиции в составе политической элиты на рубеже 1980–1990-х гг., чем высшее руководство, секретари ЦК), а потом и тезис о роли пришедшей в политику гуманитарной, творческой интеллигенции на начальных этапах трансформаций.

В Советском Союзе исследований элит в свободном доступе не было, не использовался и термин «элита»²². Импульс открытым изысканиям в нашей стране придали работы А.А. Галкина, Ф.М. Бурлацкого²³, Г.К. Ашина²⁴, формировавшие понятийный аппарат и предметную область изучения элит в тот период. Постепенно элитология²⁵ стала развитой отраслью политической науки России. Научные центры по исследованию элит сложились, в частности, в Москве (под руководством О.В. Гаман-Голутвиной, В.Г. Ледяева, А.П. Кочеткова, Е.Б. Шестопал²⁶ и др.), в Санкт-Петербурге (А.В. Дука, О.В. Попова, А.В. Шентякова²⁷ и др.), Ростове-на-Дону (А.В. Понеделков, А.М. Старостин²⁸ и др.). В фокусе их внимания вопросы типологии, теоретических оснований и современных тенденций элитологии, ценностные и структурные трансформации российских властных групп, связи политических элит и режимов, концептуализация понятия «власть» и т.д. Среди крупных проектов: «Самые влиятельные

Wnuk-Lipinski E. Poland: Winding road from the Communist to the post-Solidarity elite // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24. P.669-696.

²¹ Staniszkis J. «Political Capitalism» in Poland // *East European Politics & Societies*. 1990. Vol. 5. No. 1. P. 127–141.

²² Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // *Политическая наука*. 2016. № 2. С. 38-73.

²³ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985.

²⁴ Ашин Г. К. Современные теории элиты: Критический очерк. М.: Международные отношения, 1985.

²⁵ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.

²⁶ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты в фокусе компаративного анализа. Очерки теории и истории. М.: Аспект Пресс, 2020. 570 с.; Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.; Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире. М.: Аспект-Пресс, 2020; Ледяев В.Г. Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.; Ледяев В.Г. Концептуальный анализ власти: Проблематика и современные тенденции // *Политическая наука*. 2019. № 3. С. 14–29; Шестопал Е.Б. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ. М.: РОССПЭН, 2012.

²⁷ Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // *Актуальные проблемы Европы*. 2017. № 2. С. 14-54; Попова О.В. Карьерные стратегии субфедеральных политических элит // *Вестник СПбГУ. Серия 6*. 2013. №1. С. 49–56; Шентякова А.В. Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения*. 2015. № 3. С. 46–56; Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6. № 2. С. 24-66.

²⁸ Властные элиты современной России в процессах политической трансформации / Отв. ред. В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Р.н/Д.: СКАГС, 2004. 520 с.; Воронцов С.А., Понеделков А.В. Инновационные ответы российской элитологии на вызовы современной политической ситуации // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2019. № 2. С. 158-168.

люди России» (О.В. Гаман-Голутвина, Москва, 2004 г.)²⁹; приуроченные к Первому, Второму и Третьему элитологическим конгрессам исследования Ростовской элитологической школы (2013 г., 2016 г. и 2019 г.)³⁰; «Эволюция властных элит и политическая культура в российском обществе» (А.В. Дука, Санкт-Петербург). Заметную роль сыграли дискуссии о структуре российской политической элиты³¹. Значим вклад в изучение властных групп Д.В. Бадовского и А.Ю. Шутова³², Н.Ю. Лапиной³³, О.Б. Подвинцева³⁴, Е.А. Чириковой³⁵. В.А. Ачкасов системно анализирует роль элит в конфликтах на постсоветском пространстве³⁶, А.И. Соловьев рассматривает деятельность властных групп в контексте государственного управления³⁷.

Для отечественного изучения властных групп характерен акцент на внутрисистемных объектах (федеральный и региональный уровень); проблематика международных компаративистских исследований разработана меньше³⁸, на что обращено внимание в ряде работ³⁹.

Властные группы Латвии, Литвы и Эстонии находятся в исследовательском поле российских и зарубежных ученых сравнительно недавно. Проводить эмпирический анализ событий бурных лет трансформационных процессов после падения СССР стало возможно лишь с течением времени. В зарубежной литературе данная проблематика представлена довольно обширно. Страны Прибалтики – единственные из бывших советских республик – в сжатые сроки

²⁹ Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты России / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: ИСАНТ, 2004.

³⁰ Элитология и стратегии развития современной России / Еремеев С.Г., Понедельков А.В., Шабров О.Ф., Буров А.В., Старостин А.М., Воронцов С.А., Коваленко В.И., Охотский Е.В., Григорян Д.К., Горбунов А.А., Черкасова Т.П., Карабущенко П.Л., Усманов Р.Х., Змияк С.С., Моисеев В.Н., Голубева М.О., Яланский А.П. / Инф.-аналит. материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса (21-22 октября 2016 г., г. Ростов-на-Дону) / РАНХиГС, Ростовская научная элитологическая школа. Р.н/Д., 2016. 150 с.

³¹ Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? // Post-Soviet Affairs. 2006. Vol. 22, No. 2. P. 125–145; Kryshchanovskaya O., White S. Putin's Militocracy // Post-Soviet Affairs. 2003. Vol. 19, No. 4. P. 289–306; Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных элитах // Властные структуры и группы доминирования / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120; Rivera S.W., Rivera D.W. Are Siloviki Still Undemocratic? Elite Support for Political Pluralism during Putin's Third Presidential Term // Russian Politics. 2019. No. 4 (4). P. 499–519.

³² Бадовский Д.В., Шутов А.Ю. Региональные элиты в постсоветской России // Кентавр. 1996. № 6. С. 3–23.

³³ Лапина Н.Ю. Региональные элиты России. М.: ИНИОН РАН, 1997. 63 с.

³⁴ Подвинцев О.Б. Попытка формирования новых политических элит в регионах РФ: цели, механизмы, результаты (2012–2014 гг.) // Власть и элиты. 2015. Т. 2. С. 171–189.

³⁵ Чирикова А.Е. Региональные элиты. М.: Аспект Пресс, 2010. 271 с.; Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 414 с.

³⁶ Ачкасов В.А. «Изобретение традиции»: роль интеллектуальных элит в «идеологическом производстве» этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве // Власть в России: элиты и институты. СПб.: Интерсоцис, 2009. С. 9–22; Ачкасов В.А. Роль элит в провоцировании и эскалации этнополитических конфликтов // Власть и элиты. 2015. Т. 2. С. 209–233.

³⁷ Соловьев А.И. Политический лидер в административной среде государственного управления, или «кто в доме хозяин?» // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 60–81.

³⁸ Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012; Смирнов В.А. Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии: факторы рекрутирования и структурная динамика. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. 181 с.

³⁹ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.

прошли путь, в целом соответствующий основным тенденциям Восточной Европы. Соответственно, при анализе властных групп стран Прибалтики в первую очередь применялись восточноевропейские подходы.

По мнению норвежского учёного А. Стина, элиты Латвии, Литвы и Эстонии отличались от многих стран ЕС тем, что чаще использовали государственные институты в своих интересах⁴⁰. Такую оценку критиковали прибалтийские специалисты. Основные дебаты в странах Прибалтики велись вокруг традиционных для региона Восточной Европы проблем: роль властных групп в социально-политических трансформациях, место старой номенклатуры в этих процессах, структура и динамика трансформации элит, роль интеллигенции, практики внутриэлитного взаимодействия и т.д. Среди прибалтийских исследователей отметим К. Антанайтиса⁴¹, В. Гайдиса⁴², К. Масюлиса⁴³, И. Матоните⁴⁴, А. Крупавичюса⁴⁵, Ж. Озолиню⁴⁶, И. Островску⁴⁷, В. Петтаи⁴⁸, Ю. Розенвалдса⁴⁹, Ю. Рууса⁵⁰, Я. Тоомла⁵¹, Д. Янушаускене⁵². Большой массив работ посвящен специфике общественно-политической трансформации в странах Прибалтики в контексте их вступления в Европейский союз и НАТО, а также подходу нового руководства к «советскому наследию» и современной России: работы Д. Ауэрс⁵³, Р. Вильпишаускаса⁵⁴, М. Ильмярва⁵⁵, А. Казекампа⁵⁶, Ч. Лаурина-

⁴⁰Steen A. Between Past and Future: Elites, Democracy and the State in Post-Communist countries. A Comparison of Estonia, Latvia and Lithuania. Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Ashgate. 1997; Steen A. Small States and National Elites in a Neoliberal Era / Small States in the Modern World. Vulnerabilities and Opportunities / ed. Baldersheim H., Keating M. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2015. P. 183-201.

⁴¹Antanaitis K. Nomenklaturų transformacijos Lietuvoje 1988-1992 metais // Darbai ir dienos. No. 49. 2008. P. 81-93.

⁴²Gaidys V. The Emergence of the Lithuanian Political Elite / The New Elite in Post-communist Eastern Europe / Ed. by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool and B. Doctorov. Texas A&M University Press. 1999.

⁴³Masiulis K., Sudnickas T. Elitas ir lyderystė. Vadovėlis. Vilnius: Mykolo Romerio universiteto leidybos centras, 2008.

⁴⁴Matonyte I. Posovietinio elito labirintai. Vilnius : Knygiai, 2001; Matonyte I., Sumskas G. Lithuanian parliamentary elites after 1990: dilemmas of political representation and political professionalism / Parliamentary elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and representation / Eds. Semenova E., Edinger E. and Best H. London; New York: Routledge, 2014; Matonyte I., Sumskas G., Morkevicius V. Europeaness of Lithuanian Political Elite: Europhilia, Russophobia and Neoliberalism // Historical Social Research. 2016. No. 4 (41). P. 150-172; Matonyte I., Sumskas G., Gaidys V. Europietiško rakursai: Lietuvos elitų bei gyventojų požiūriai ir žvilgsnis į kitas Europos šalis. Kaunas: Technologija, 2018.

⁴⁵Krupavicius A. Models of Post-communist Political Elites in Central Europe and the Baltics: Comparative Analysis, Hungarian Center for Democracy Studies Foundation, Budapest papers on Democratic transition, No. 158. 1998.

⁴⁶Ozolins Z. Latvija eiropeizācijas krustceļos. Rīga : LU Akadēmiskais apgāds, 2005. 135 p.

⁴⁷Ostrovskaya I. The Recruitment of Political Elite: Peculiarities of Transition in Latvia // The European Legacy. 1996. Vol. 1. No. 1. P. 362-368.

⁴⁸Pettai V., Auers D., Ramonaite A. Political development // Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On. Tallinn: PrintonTrūkikoda, 2011. P. 144-163.

⁴⁹Rozenvalds J. Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 149–160.

⁵⁰Руус Ю. Элиты этнических меньшинств в посткоммунистических странах: случай Эстонии // Сравнительная политика, 2012. № 3. С. 99-125.

⁵¹Toomla J. (ed.) Valitud ja valitsenud: Eesti parlamentaarsete ja muude esinduskogude ning valitsuste isikkoosseis aastail 1917-1999. Tallinn: Eesti Rahvusraamatukogu, 1999.

⁵²Janusauskiene D. The Post-Communist Democratization in Lithuania. Elites, Parties and Youth Organizations 1988-2001. Amsterdam; New York, 2011.

⁵³Auers D. Comparative Politics and Government of the Baltic States: Estonia, Latvia and Lithuania in the 21st Century. London: Palgrave Macmillan, 2015. 269 p.

⁵⁴Vilpisauskas R. Baltic States Negotiating the EU Entry: Process, Patterns and Results // Lithuanian Political Science Yearbook 2002. Vilnius, Vilnius University. 2003.

вичюса⁵⁷, М. Лауристин⁵⁸, Н. Муйжниека⁵⁹, Р. Мюллерсона⁶⁰, Л. Мьялскоо⁶¹, Ю. Новагроцкене⁶², З. Норкуса⁶³, К. Паулаускаса⁶⁴, А. Рамонайте⁶⁵, В. Сафроноваса⁶⁶, Д. Скулте-Уэйсс⁶⁷, Г. Соотлы⁶⁸, Л. Талат-Келпши⁶⁹.

Особый блок — мемуары тех, кто занимал высшие позиции в политических элитах Латвии, Литвы и Эстонии: В. Адамкус, А. Бразаускас, М. Гайлис, В. Домбровскис, В. Затлерс, Т.Х. Ильвес, С. Каллас, М. Лаар, В. Ландсбергис, А. Рюитель, Э. Сависаар⁷⁰.

Понять мотивы решений, принимавшихся властными группами, позволяют издания, которые выпустили советники политических деятелей, их деловые партнеры, а также обозреватели: Л. Белинис, Ю. Казизкас, Ю. Круминьш, Л. Лапса, Р. Лопата, К. Паас, Д. Ульбинайте, Р. Янутене и др.⁷¹

⁵⁵ *Ильмарв М.* Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2012. 806 с.

⁵⁶ *Казекамп А.* История балтийских государств. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2014.

⁵⁷ *Лауринавичюс Ч.* Как соседи становятся врагами / Россия и Балтия. Вып. 6. Диалог историков разных стран и поколений / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Весь Мир, 2011.

⁵⁸ *Lauristin M., Vihalemm P.* The Political Agenda Of Estonian Transformation: External And Internal Factors // Journal of Baltic Studies. 2009. Vol. 40, No. 1. P. 1-28.

⁵⁹ *Muiznieks N.* Latvian-Russian Relations: Dynamics Since Latvia's Accession to the EU and NATO. Riga: LU Akademiskais apgads, 2011. 87 p.

⁶⁰ *Мюллерсон Р.* Национальные интересы, идеология и историческая одержимость во внешней политике // Политические элиты в старых и новых демократиях. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 247-253.

⁶¹ *Мьялскоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Тарту: Изд-во ТУ, 2005.

⁶² *Novagrockiene J.* Lietuvos partines sistemos raida / Seimo rinkimai'96, treciasis «atmetimas» / Sud. A. Krupavicius. Tverme. 1998.

⁶³ *Norkus Z.* Kokia demokratija, koks kapitalizmas? Pokomunistine transformacija Lietuvoje lyginamosios istorines sociologijos požiūriu. Vilnius: Vilniaus universitetas. 2008.

⁶⁴ *Paulauskas K.* The big, the bad and the beautiful: America, Russia and Europe's mellow power // Lithuanian Foreign Policy Review. No. 20. 2008. P. 120-126.

⁶⁵ *Ramonaite A.* Posovietines Lietuvos politine anatomija. Pilietinės visuomenės institutas, Vilniaus universitetas. Vilnius: Versus aureus. 2007.

⁶⁶ *Сафроновас В.* О тенденциях политики воспоминания в современной Литве // Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space. 2009. № 3. С. 424-458.

⁶⁷ *Скулте-Уэйсс Д.* Вернувшаяся диаспора и политическое лидерство в случае посткоммунистической Латвии и Литвы // Продвижение демократических ценностей в расширяющейся Европе: изменяющаяся роль Балтийских государств от импортеров к экспортерам (ред. Казекамп А., Пяэбо Х.). Тарту, 2006. С. 91-101.

⁶⁸ *Sootla G.* The Development and Dilemmas of Estonian Local Government from a European Perspective / Administrative Reform 2017 in Estonia: Decisions, Backgrounds, Implementations / Ed. Valner S. Tallin: Menu Meedia OU, 2018. 711 p.

⁶⁹ *Talat-Kelpsa L.* Vyriausybė ir prezidentas / Lietuvos politinė sistema: sąranga ir raida / Ed. by A. Krupavicius and A. Lukošaitis. Kaunas. 2004.

⁷⁰ *Dombrovskis V., Aslund A.* How Latvia Came Through the Financial Crisis. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2015. 200 p.; *Kallas S.* Vabaduse ja kurjuse vahel. Euroopa Liidu lugu. Tallinn: SE&JS, 2018. 368 p.; *Adamkus V.* Paskutine Kadencija. Prezidento dienoraščiai. Vilnius: Tytoalba, 2011. 544 p.; *Laar M.* Poore Mälestused. Tallinn: OÜ Read, 2015. 400 p.; *Landsbergis V.* Guilt and Atonement: the Story of 13 January. Vilnius: Jungtines spaudos paslaugos, 2015. 380 p.; *Бразаускас А.* Пять лет Президента: события, воспоминания, мысли. М.: Унипринт, 2002; *Затлерс В.* Вот кто я! По-русски. Рига: Jumava, 2016; *Сависаар Э.* Правда об Эстонии: в 2 т. Таллин: Midfield, 2012; *Ильвес Т.Х.* Говорит глава государства / сост. О. Коппель. Таллин: Eesti Koostöökoogu, 2014; *Гайлис М.* Шесть лет во власти. Рига: Litres, 2018; *Рюитель А.* Эстония: возрождение будущего. Таллинн: Ило, 2003. 224 с.

⁷¹ *Bielinis L.* Prezidentė. Kaunas: Knygius; Kitos knygos, 2011; *Bielinis L.* Prezidentė. Antra knyga. Kaunas: Knygius, 2013; *Janutiene R.* Dinastija. Landsbergiu isgyvenimo istorija. Vilnius: Nataiva, 2014. 312 p.; *Janutiene R.* Raudonoji Dalia: nuslėptieji Dalios Grybauskaitės biografijos puslapiai. Vilnius: Nataiva. 2013. 271 p. *Kazickas J., Bartusevičius V.* Odyssey of Hope: the Story of a Lithuanian Immigrant's Escape from Communism to Freedom in

Российские ученые создали значительный корпус работ в области партийно-политических систем как по конкретным страновым направлениям, так и обобщающего характера. В работах А.П. Бутенко, Ал.А. Громыко, А.А. Дынкина, А.А. Кокошина, В.А. Никонова, А.В. Торкунова содержится концептуальный анализ коренных вызовов, с которыми сталкиваются ведущие государства и международное сообщество в целом⁷². В числе работ по международно-политической проблематике, в которых осмыслены проблемы сопряжённости внешних и внутренних факторов развития западных политий, выявлены магистральные тенденции развития на глобальном и региональном уровне, исследования Н.К. Арбатовой, В.Б. Белова, Ю.А. Борко, М.В. Братерского, И.М. Бусыгиной, О.В. Буториной, Ф.Г. Войтоловского, В.В. Журкина, В.Ю. Зорина, О.П. Иванова, А.П. Клемешева, М.М. Лебедевой, И.Ф. Максимычева, А.С. Пую, И.Н. Тарасова, В.П. Федорова, О.В. Шаброва⁷³. В трудах А.Д. Богатурова, М.А.

America and the Return to his Beloved Homeland, Vilnius: Tyto alba, 2006; *Lapsa L., Jančevskis K., Saatčiane I.* Latvietis parastais. Rīga. Atēna, 2011; *Lopata R.* Politikai ir Istorija. Algirdo Brazauskio ir Vytauto Landsbergio istorija sampratos. Vilnius universiteto leidykla. 2010; *Paas K., Krjutskova K.* Andrus Ansip – halva iseloomuga tark poiss. Tallinn: Vaba Kiri OU, 2016. 352 lk.; *Ulbinaite D.* Nustokim krūpčiot. Prezidentē Dalia Grybauskaitē. Vilnius: Tyto alba, 2019; *Зелениус Я.* Маятник богатства, или Приватизация «Вентспилснафта». Рига: Goldberg Trust, 2015. 255 с.; *Круминьш Ю.* Рассказы ильгюциемского пацана. Рига: Autora izdevums, 2017. 336 с.

⁷² Бутенко А.П. О «бархатных» и «небархатных» революциях в странах Центрально-Восточной Европы // Россия и современный мир. 2000. № 3 (28). С. 59-68; Бутенко А.П. Глобализация: сущность и современные проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2001. №3; Громыко Ал.А. О насущном. Европа и современный мир. М. ; СПб : Нестор-История, 2017; Громыко Ал.А. Модернизация партийной системы Великобритании. М.: Весь мир, 2007; Громыко Ал.А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 5-12; Дынкин А.А. (ред.) Мир 2035. Глобальный прогноз. М.: Магистр, 2017. 352 с.; Дынкин А.А. В поисках новой архитектуры миропорядка // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 210. № 2. С. 233-239; Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27-37; Торкунов А.В., Чечевиников А.Л., Мальгин А.В. По дороге в будущее. М., 2010; Кокошин А.А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики. Тенденции на 2020–2030-е годы // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 38–62; Никонов В.А. Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. 2017. № 6. С. 8-29.

⁷³ Arbatova N. Reaching an understanding on Baltic security // Survival. 2018. Vol. 60. No. 3. P. 115-132; Белов В.Б. (ред.) Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран. М. : ИЕ РАН, Весь Мир, 2018. 204 с.; Борко Ю.А. Европейский Союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // Современная Европа. 2015. № 3 (63). С. 7-16; Борко Ю.А. Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее / Доклады Института Европы РАН. № 355. М., 2018. 70 с.; Братерский М.В. Политические конфликты в условиях взаимозависимости: новые формы внешней политики в XXI в. // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 1. С. 15-33; Бусыгина И.М., Климович С.А. Коалиция внутри коалиции: страны Балтии в Евросоюзе // Балтийский регион. 2017. Т.9. № 1. С.7-26; Буторина О.В. Еврозона: гравитация против конвергенции? / Большая Европа: Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: Весь мир, 2014. С. 186-205; Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада // Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е–2000-е гг. М., 2007; Зорин В.Ю., Рудаков А.В. Политика идентичности как фактор обеспечения суверенитета в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 3. С. 55-70; Лебедева М.М. Актеры современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 1. С. 38–41; Европа XXI века. Новые вызовы и риски / под общей редакцией Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М., СПб.: Нестор-История, 2017. 584 с.; Иванов О.П. Американская официальная концепция расширения НАТО на Восток: к истории вопроса // Современная Европа. 2017. № 6. С. 34–46; Максимычев И.Ф. Есть ли будущее у Большой Европы? // Современная Европа. 2013. № 1. С. 34-44; Пую А.С. (и др.) Медиакратия: современные теории и практики. СПб: Изд-во СПбГУ, 2013; Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политической идентичности // МЭиМО. 2018. Т. 62. № 11. С. 65-76; Тарасов И.Н. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы: сравнительный анализ: дис. д-ра полит. наук. СГСЭУ, Саратов, 2009; Шабров О.Ф. Государство XXI в.: пределы эффективности / Российская поли-

Хрусталева, П.А. Цыганкова⁷⁴ содержится арсенал подходов, применимых к анализу властных групп малых стран в международных делах.

За рубежом традиция изучения латвийской, литовской и эстонской политической жизни сложилась более полувека назад. С 1968 г. в США действует Ассоциация по развитию балтийских исследований (Association for the Advancement of Baltic Studies), издается научный журнал, проводятся конференции. Среди тематических ориентиров присутствует проблематика властных групп, а также осмысление советских лет Латвии, Литвы и Эстонии, периода провозглашения независимости, вопросы национализма, этнических групп, безопасности и пр.⁷⁵ Ассоциация поддерживает научные связи со многими университетами, в т.ч. в странах Прибалтики.

В России столь длительной традиции изучения латвийского, литовского и эстонского обществ нет. Отечественная Ассоциация прибалтийских исследований (на базе СПбГУ) действует с 2016 г. Однако она уже реализовала ряд значимых исследований в сфере экономики, безопасности, истории данного региона⁷⁶, ежегодно проводятся конференции по прибалтийской проблематике⁷⁷. Исследовательские центры, изучающие страны Прибалтики, формировались в России с 1990-х гг. В Москве внешнеполитические сюжеты с участием стран Прибалтики рассматриваются в МГИМО⁷⁸, Институте Европы РАН⁷⁹, Институ-

тическая наука: идеи, концепции, методы / Под ред. Л.В. Сморгунюва. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 109-120; *Шинелина Л.Н.* Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции. М.: Ин-т Европы РАН, 2017.

⁷⁴ *Богатуров А.Д.* Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект-Пресс, 2017; *Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015; *Цыганков П.А.* О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях*. М.: МГИМО, 2007. С. 30-42.

⁷⁵ *Sukis J.* Siberian Exile: Blood, War, and a Granddaughter's Reckoning. Lincoln: University of Nebraska Press, 2017. 200 p.; *Smidchens G.* The Power of Song: Nonviolent National Culture in the Baltic Singing Revolution. Washington: University of Washington Press, 2013. 446 p.; *Annus E.* The Problem of Soviet Colonialism in the Baltics // *Journal of Baltic Studies*, 2012. No. 43 (1). P. 21–45; *Rostoks T.* Identifying intentions: Latvian policy-makers' perceptions of Russia's intentions // *Journal of Baltic Studies*. 2017. No. 49 (1). P.21-45; *Cheskin A.* Exploring Russian-Speaking Identity from Below: The Case of Latvia // *Journal of Baltic Studies*, 2012. No. 44 (3). P. 287–312.

⁷⁶ *Зверев Ю.М., Межевич Н.М.* Безопасность в восточной Балтике : К военным учениям России и Беларуси «Щит Союза – 2019» : экспертный доклад. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 152 с.; *Еремину Н.В.* Популизм в Европе: основные характеристики и специфика государств Прибалтики : научный доклад. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 64 с.; *Еремину Н.В.* Еврофонды в Латвии, Литве и Эстонии: проблемы и перспективы. М.: Русская книга, 2018. 31 с.; *Межевич Н.М.* Проблемы и перспективы экономических отношений России и государств Прибалтики в условиях санкционных режимов. М.: Русская книга, 2017. 64 с.; *Житин Д.В., Иванова А.А.* Демографическое развитие стран Балтии. М.: Русская книга, 2017. 122 с.; *Вендина О., Колосов В., Себенцов А.* Является ли Прибалтика частью постсоветского пространства? М.: Русская книга, 2016. 32 с.

⁷⁷ Прибалтийские исследования в России. 2015: сб. ст. / сост. *М.А. Вилков, В.В. Симиндей*. М.: Историческая память, 2015. 480 с.; Прибалтийские исследования в России: мат-лы междунар. науч. конф. / под ред. *А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Г.М. Федорова*. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2016. 226 с.; Прибалтийские исследования в России. 2017–2018: сб. ст. / сост. *Н.М. Межевич*. М.: Русская книга, 2018. 192 с.

⁷⁸ *Симонян Р.Х.* Россия и страны Балтии. Две модели социального развития. 3-е изд. М. : Инст. социологии РАН, 2009; *Симонян Р.Х.* Лекции по истории и этнологии Литвы. М.: Аспект-пресс, 2014. 256 с.; *Симонян Р.Х.* Эстония. Обретение второй независимости. М.: Аспект-пресс, 2016. 320 с.; *Воротников В.В.* 25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский союз // *Контурные глобальных трансформаций*. 2016. Вып. 5. Т. 9. С. 7-23; *Воротников В.В.* Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века. М.: Аспект Пресс, 2015. 272 с.; *Воротников В.В., Иванова Н.А.* «Мягкая сила» России в странах Прибалтики в исследовательском фокусе: традиции, противостояние, конкуренция // *Балтийский регион*. 2019. Т. 11. № 3. С. 107-124.

те мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова⁸⁰ РАН, Дипломатической академии⁸¹, исторические сюжеты – в Институте всеобщей истории РАН⁸², Институте российской истории РАН⁸³, Российском институте стратегических исследований⁸⁴. Акцент на экономической проблематике сделан в СПбГУ⁸⁵ и СПбГУЭ⁸⁶. В Калининграде, Карелии, Пскове изучаются региональные аспекты приграничного сотрудничества, проблематика малых стран, вопросы идентичности, транспорта, безопасности⁸⁷.

Примеры комплексного изучения в России элит стран Прибалтики отсутствуют. Эта тематика отчасти затрагивалась в некоторых кандидатских и докторских диссертациях по трансформации партийно-политического ландшафта в странах Прибалтики, их международно-политическому становлению и пр.⁸⁸ На

⁷⁹ Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. Притяжение Балтии (Балтийские русские и балтийские культуры). Ч. 1. // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 65–97; Смирнов В.А. Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // Современная Европа. 2016. № 5 (71). С. 44–54; Шишелина Л.Н., Пономарева Е.Г., Гаман-Голутвина О.В. Проект Восточного партнерства «до» и «после» Майдана. Часть 2: литовский опыт и латвийские планы // Вестник аналитики. № 4 (58), 2014.

⁸⁰ Оленченко В.А. Страны Прибалтики в ЕС: результаты и перспективы. М., 2017.

⁸¹ Мозель Т.Н. Балтия, Россия и Запад в поисках модели безопасности в Европе. М.: Научная книга, 2001. 303 с.; Скачков А.С. Почему не состоялся прибалтийский «мост» между Россией и Евросоюзом? // Международная жизнь. 2015. № 10. С. 111–125; Скачков А.С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 140–151.

⁸² Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв. / Отв. ред. А.А. Комаров. М.: ЛЕНАНД, 2014; Михайлова Ю.Л. Совместная российско-латвийская комиссия историков 2011—2013 гг. // Россия и Балтия. Вып. 7: Памятные даты и историческая память / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2015. С. 229—235.

⁸³ Дюков А.Р. Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости, 1939–1940 гг. М.: Историческая память, 2013. 264 с.; Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940 – 1953. М.: РОССПЭН, 2008.

⁸⁴ Воробьева Л.М. Прибалтийский вопрос: эстонское направление (1920–2016 гг.). М.: РИСИ, 2016. 576 с.

⁸⁵ Ланко Д.А., Ланцова И.С. Национализация партийной системы Эстонии в 2005—2019 годах // Балтийский регион. 2020. Т. 1. С. 16–31; Межевич Н.М. Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик». М.: Русская книга, 2016; Отношения России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам / Н.М. Межевич, А.В. Шадрский, А.М. Грозовский. СПб.: СПбГУ, 2013; Худoley К.К. «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. С. 4—24; Портнягина М.Д. Страны Балтии во внешней политике Федеративной Республики Германия и Российской Федерации в 1990-е годы — начале XXI века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 166 с.; Popova O. Political Science in the Russian Federation: Scientific Researches on Russian-speaking Minorities in the Baltic States // Ethnicity. Towards the Politics of Recognition in Latvia: 1991–2012 / ed. by V. Volkovs, D. Hanovs, I. Runce. Riga: Zinatne, 2013. P. 110–130.

⁸⁶ Максимцев И.А., Межевич Н.М., Королева А.В. Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 1. С. 60–78.

⁸⁷ Польша, Литва, Латвия, Эстония: социально-экономическое и политическое развитие: монография / под ред. А.П. Клемешева. М.: Инфра-М, 2018. 134 с.; Федоров Г.М., Зверев Ю.М., Корнеев В.С. Россия на Балтике: 1990–2012 годы. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2013. 252 с.; Зверев Ю.М., Межевич Н.М. Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 181–191; Кирчанов М.В. Континуитет и дискретность в современных исторических памятниках стран Балтии (мифы политической нации vs мифы политизированной этничности) // Журнал российских и восточно-европейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 180–218.

⁸⁸ Фурман Е.Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве. М.: Либроком, 2009; Ямалова Э.Н. Демократия в постсоветских государствах Балтии: сравнительный анализ факторов становления и развития: дисс. д-ра полит. наук. М., 2018. 680 с.; Курьянов В.Н. Страны Балтии: становление национальной государственности в системе международных отношений: дисс. доктора полит. наук. Москва, 1999; Уразбаев Е.Е. Институционализация национализма в процессе формирования политических идентичностей населения стран Балтии: дис. канд. полит. наук. Калининград, 2017. 159 с.; Еришов О.В. Российский вектор внешней политики

восполнение пробела в сфере изучения властных групп Латвии, Литвы и Эстонии и направлена данная диссертация.

Эмпирическую базу исследования составили проведенные автором 53 глубинных интервью с представителями политических элит, учеными из Вильнюса, Риги и Таллина, специализирующимися на исследовании властных групп, а также с журналистами, систематически вовлеченными в освещение политической жизни Латвии, Литвы и Эстонии. Большая их часть дали интервью на условиях конфиденциальности, поэтому автор вынужден воздержаться от указания полного пофамильного списка респондентов.

Для количественного анализа политических элит использованы данные из открытых источников о карьерных траекториях 886 политических деятелей Латвии, Литвы и Эстонии. Из них 252 – от Литвы, 271 – Эстонии и 363 – Латвии (в латвийском случае большее количество учтенных парламентских электоральных циклов – 9 вместо 7 в Литве и 8 в Эстонии). Около 53% – представители парламентов, 40% – правительств, 7% – президенты и их советники.

Важнейшие решения властных групп, определившие долгосрочные основы развития Латвии, Литвы и Эстонии, рассмотрены в соответствии с ключевыми документами, образующими юридический фундамент независимости стран Прибалтики: Декларация о восстановлении независимости Латвийской Республики от 4 мая 1990 г., Акт о восстановлении независимости Литовского государства от 11 марта 1990 г., Декларация о суверенитете Эстонской ССР от 16 ноября 1989 г., Конституция Латвии 1922 г. в редакции от 19 июня 2014 г., Конституция Литвы от 25 октября 1992 г., Конституция Эстонии от 28 июня 1992 г., документы Верховных советов. Используются документы о работе литовского «Саюдиса», латвийского и эстонского Народных фронтов, содержащиеся в изданиях серии «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» Института этнологии и антропологии РАН.

Отдельную группу источников представляют официальные документы Литвы, Латвии и Эстонии: нормативно-правовые акты, акты органов государственной власти, официальные стратегии, программы и концепции, парламентские резолюции и межпартийные соглашения, документы ЕС и НАТО.

Проведен анализ таких источников, как официальные выступления представителей органов государственной власти Литвы, Латвии и Эстонии, органов ЕС и НАТО. Рассмотрены экспертные оценки отечественных и зарубежных специалистов, представляющие различные взгляды на объект исследования.

В работе использованы статистические данные электоральных кампаний, референдумов в странах Прибалтики, а также результаты социологических исследований и экспертных опросов, официальные данные социально-экономической статистики, собранные статистическими службами стран При-

балтики, социологическими службами и агентствами на национальном, общеевропейском и международном уровнях.

Научная новизна состоит в комплексном подходе к анализу политических элит Латвии, Литвы и Эстонии, особенностям их формирования и взаимодействия в 1990 – 2019 гг. с опорой на авторские позиции и оценки представителей властных групп, представленные в глубинных интервью. Ранее в России исследований на материале указанных стран с использованием данных подходов и методов не проводилось.

Впервые в отечественной политологии проведен детальный анализ структурно-функциональных изменений элит Латвии, Литвы и Эстонии, трансформация которых осмыслена в русле их внутренней реконфигурации и закрепления обществами стран Прибалтики новых политических приоритетов.

Выявлена специфика преломления общих закономерностей трансформации элит применительно к масштабным социально-политическим переменам в странах Прибалтики; изучен механизм взаимосвязи элитообразования и факторов исторической обусловленности, а также внешнего влияния.

Властные группы стран Прибалтики рассмотрены в их совокупности и взаимосвязи, а процесс их становления вписан в субрегиональный масштаб с учетом актуального российско-прибалтийского политического взаимодействия, тем самым восполнено недостаточное внимание к изучению роли политических элит в малых странах.

Осуществленный в диссертации на основе обширного эмпирического материала анализ трансформации властных групп стран Прибалтики позволил установить, что в целом, несмотря на выявленные различия, системообразующие принципы становления и эволюции элит Латвии, Литвы и Эстонии в период независимости, а также характер их внутренней организации были сходными.

Описаны основные практики внутриэлитного взаимодействия, определяющие устойчивость сложившихся механизмов элитного рекрутирования, определены пределы потенциальных изменений элитогенеза в странах Прибалтики.

В научный оборот российской политологии введен существенный массив новых зарубежных источников и литературы, эмпирических данных.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что автор предложил собственную теоретическую модель компаративной идентификации причин и следствий, противоречий и общих закономерностей трансформации властных групп в условиях коренных общественно-политических преобразований в малых странах. Эвристически данный подход позволяет сопоставлять различные по страновым характеристикам, но схожие по структурно-функциональному дизайну процессы элитогенеза, определять основные тенденции трансформации элит и практики внутриэлитного взаимодействия, выявлять потенциал каналов и механизмов элитного рекрутирования с учетом комплексного влияния внутренних и внешних факторов.

Положения и выводы диссертации расширяют сферу научного знания об особенностях, формах, диалектике изменений элит в контексте трансформации политической системы в целом. Результаты осмысления структурно-

функциональной динамики властных групп стран Прибалтики являются теоретической и практической основой для уточнения теории элит и теории малых стран. Подходы, примененные автором, помогают усовершенствовать понятийный аппарат элитологии, расширить типологизацию властных групп, уточнить роль элит в современных внутри- и внешнеполитических процессах. Учет взаимосвязей между трансформацией элит и сменой приоритетов политического развития позволяет не только оценить актуальные политические процессы, но и прогнозировать сценарии их дальнейших изменений.

Практическая значимость диссертации заключается в получении конкретных научных выводов о политических элитах в странах Прибалтики, их структуре и практиках внутриэлитного взаимодействия, в выявлении ограничителей и мотивов их действий, позволяющих прогнозировать развитие политической ситуации в Латвии, Литве и Эстонии.

Полученные результаты дают возможность уточнить внешнеполитический подход России на прибалтийском направлении. С этой целью приведены конкретные рекомендации, которые могут быть применены в практической деятельности органов власти и институтов гражданского общества при разработке и принятии решений в сфере государственной и общественной дипломатии.

Применённые методологические и концептуальные подходы могут использоваться при изучении властных групп в других странах ближнего зарубежья, их классификации с учетом местной специфики.

Материалы и выводы работы представляют интерес для специалистов в сфере внешней политики, представителей политологического и экспертного сообщества. Они могут применяться в учебном процессе, при подготовке учебников и учебных пособий по политологии, теории элит, партологии, современной политической истории, международным отношениям, регионоведению.

Апробация работы. По теме диссертации автором опубликованы 2 индивидуальныe монографии, 3 раздела в коллективных монографиях и 30 статей в журналах перечня ВАК, основные тезисы изложены в выступлениях на научных конференциях и семинарах в Москве (МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО), Санкт-Петербурге (СПбГУ, СПбГУЭ), Калининграде (БФУ им. И. Канта), Иркутске (Иркутский госуниверситет), а также в ходе реализации научно-исследовательского проекта за счёт средств гранта Российского гуманитарного научного фонда «Формирование парламентской элиты стран Балтии после 1990 г.: ключевые факторы и акторы». Публикации автора востребованы при подготовке учебных программ в российских высших учебных заведениях по аспектам политического процесса в зарубежных странах. Отдельные аспекты исследования использовались при подготовке аналитических материалов для органов государственной власти Российской Федерации.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, степень ее разработанности, определены объект и предмет, сформулированы цель и задачи исследования, раскрыты его научная и практическая значимость, методы исследования, научная новизна положений, выносимых на защиту.

Глава I **«Теоретические основания изучения политических элит»** посвящена современному развитию предметной области исследований политических элит и анализу теоретико-методологических оснований изучения властных групп. Выявлены основные тенденции в развитии теории элит в XX-XXI вв., выделены основные этапы формирования современных теорий политических элит, охарактеризованы исследовательские проблемы и лакуны теоретических подходов.

В параграфе 1.1 **«Теория политических элит на современном этапе»** рассмотрены основные зарубежные и отечественные наработки в теории элит. Проанализирована эволюция теории элит: от вспомогательного ответвления идей о иерархическом социальном устройстве и проблемах политической власти к обретению собственного заметного места в рамках политической науки с устоявшимся понятийным аппаратом и арсеналом исследовательских методик. Формирование классического научного аппарата теории происходило в период до Второй мировой войны. Затем теория элит развивалась в биполярную эпоху преимущественно в западной парадигме теории модернизации, вобрав политико-культурные, политико-психологические и институциональные подходы, наработки теории рационального выбора. Сложился «альянс» теории элит и теории демократизации в рамках минималистской концепции демократии.

Продемонстрирована роль теории элит в рамках транзитологического подхода, применявшегося при анализе причин, хода и перспектив масштабных политических изменений в Восточной Европе и на постсоветском пространстве на рубеже 1980 – 1990 гг. После распада Советского Союза и социалистического содружества произошел рост эмпирических исследований элит в данных регионах при сохранении в целом базовых методологических подходов прежнего периода. К настоящему времени возможности транзитологии во многом исчерпаны в силу нелинейности политических изменений, не укладывающихся в логику поступательного движения к восприятию западных социально-политических моделей.

Выявлены основные актуальные тенденции развития теории элит: повышение влияния исполнительной ветви власти по сравнению с парламентским элитным сегментом на фоне гибкой кооперации правящих групп и сегментации властных фракций; рост влияния внешнеполитической конъюнктуры на внутреннюю структурную динамику властных групп; ослабление «вертикальной интеграции», т.е. связи элит с обществом, его массовыми кругами. Указанные тенденции носят сложный, нелинейный характер, что требует комплексного подхода к их изучению, позволяющего найти смычки между внутренней и внешней средой при анализе элит.

В параграфе 1.2 «**Понятие политических элит и подходы к их типологизации**» критически осмыслены основные западные и отечественные подходы к определению элит. Обоснован государствоцентричный подход к определению политических элит, рассматривающий властные группы не сугубо как обладателей «командных высот» в политической системе, но как субъектов, способных систематически и значительно воздействовать на институты власти и на само государство для достижения политических целей.

Выделены четыре компонента, используемые при анализе причин, вероятных последствий и ограничений принимаемых властными группами ключевых решений: «интересы», «ресурсы», «цели» и «действия». В соответствии с принципом системности ни один из них не существует автономно: интересы влияют на формулирование целей, тогда как действия связаны с доступным набором ресурсов. Интересы, цели, ресурсы и действия политических элит характеризуются разной степенью динамичности, находясь в непрерывном процессе взаимодействия с внутри- и внешнеполитической средой.

Уточнена классическая типология элит В. Парето: помимо базовых характеристик действий властных групп в паре «кооперация / конфронтация» введена дополнительная пара «сохранение *статус-кво* / изменение *статус-кво*». Это позволяет взглянуть на политические элиты не только с точки зрения структурных, но и субъектных аспектов, с более высокой точностью анализировать их действия в различных ситуациях, предоставляя возможности для выработки сценариев развития.

В параграфе 1.3 «**Исследования властных групп в постсоветский период**» дана реконструкция основных исследовательских направлений и проблем при изучении элит на современном этапе. Отмечено, что изучение властных групп в странах Восточной Европы, впоследствии и постсоветского пространства, велось с опорой на теоретико-методологические наработки западных (преимущественно из США и Германии) специалистов в теории элит.

Проанализированы основные научные дебаты относительно специфики восточноевропейских элитных трансформаций. В качестве базового понятия использовано «соглашение (пакт) элит» как основа трансформации и стабилизации нового порядка. Исследован магистральный механизм формирования властных групп через «конвертацию капиталов» (термин П. Бурдьё). Эта категория используется, во-первых, в буквальном смысле, т.е. контроль над процессом приватизации и распределения ключевых объектов собственности, который позволил представителям «старой» элиты сохраниться в новых условиях, получив значимые позиции в бизнесе, и, во-вторых, в переносном смысле, т.е. возможность для среднего управленческого звена, не состоявшего в руководстве коммунистических партий, получить в постсоветский период значимые позиции благодаря своей репутации как профессионалов-технократов. В первом случае речь шла о превращении «аппаратчиков в миллионеры», во втором – согласно формуле «инструктор сменял секретаря [ЦК]».

Соотнесены два базовых для стран Восточной Европы способа формирования властных групп – циркуляция (смена) и репродукция (воспроизводство).

Ключевой тенденцией стало становление смешанной модели элитного рекрутирования, сочетающей в себе черты и циркуляции, и репродукции. Обосновано, что характерный для восточноевропейского региона подход «соглашения / пакта элит» как основной идее для осмысления становления элит в случае постсоветского пространства недостаточен. Анализ трансформации властных групп невозможен в отрыве от ряда факторов, имеющих важное структурное значение с точки зрения преобразования всей политической системы: местная социокультурная специфика, национальные аспекты, вопросы взаимодействия бывших республик с «советским центром», влияние внешнего фактора, проблематика исторического наследия и т.д. Пример стран Прибалтики, которые одновременно могут быть отнесены и к Восточной Европе, и к постсоветскому пространству, обязывает анализировать это в комплексе.

В параграфе 1.4 «**Элиты в научном анализе в Латвии, Литве и Эстонии**» проанализированы магистральные направления исследований политических элит учеными стран Прибалтики в постсоветский период.

В работах исследователей стран Прибалтики определены основные факторы социально-политических трансформаций в Латвии, Литве и Эстонии, оказавшие воздействие на трансформацию политических элит в постсоветский период: изменение социальной структуры общества с устойчиво высокой поляризацией, реализация идеи «возвращения на Запад», длительное противостояние между «новыми» и «старыми» элитными фракциями, нарастающее значение фактора «российской угрозы» как средства внутренней электоральной мобилизации и укрепления однородности властных групп и их евроатлантической ориентации, а также реализация в странах Прибалтики принципа континуитета государственности (преемственности с довоенным периодом), «прерванной» в советское время.

В основном ученые стран Прибалтики при анализе политических элит опирались на теоретико-методологические подходы транзитологической парадигмы. Ключевые результаты рассмотрения динамики отдельных сегментов властных групп (гуманитарная интеллигенция, экс-номенклатура, бизнес-круги) соответствуют восточноевропейскому контексту. Вместе с тем имеется и специфика, характерная для данного субрегиона: акцентированное воздействие факторов «наследия прошлого» и внешнего влияния, что нашло свое отражение в появлении специфического сегмента властных групп – выходцев из латышской, литовской и эстонской зарубежных диаспор в основном из Северной Америки, представителей «прошлой», досоветской жизни.

Проведена периодизация процесса исследования властных групп Латвии, Литвы и Эстонии: выделен начальный этап, этап интеграции и этап переосмысления. На первом этапе ученые стран Прибалтики выступали в роли «первооткрывателей» политических элит, обращаясь к анализу их структурных перемен. На втором – внимание уделено функциональным аспектам в связи с реализацией элитами программы присоединения к интеграционным институтам ЕС и НАТО. На третьем – соответствии установок, ценностей властных групп общему евроатлантическому контексту, осмыслению проблем снижения доверия

к политическим элитам и институтам, укрепления популистских проектов, подведению итогов прошедших десятилетий и формулированию новых перспективных задач. Всплеск интереса к изучению властных групп Латвии, Литвы и Эстонии отмечен на рубеже первого и второго этапов.

В главе II **«Количественные и качественные инструменты изучения политических элит»** проведен анализ основных методов, применяемых зарубежными и отечественными специалистами при изучении властных групп: рассмотрены позиционный, репутационный и десизионный подходы.

В параграфе 2.1 **«Количественный подход»** рассмотрены возможности позиционной методики, ставящей анализ политических элит в зависимость от обладания конкретной позицией во властной иерархии. Ее целесообразно дополнить биографическим измерением. Анализ биографических данных представителей элит в рассматриваемый хронологический период позволит выявить закономерности в структурной динамике, межличностные пересечения, создающие условия для их политического сближения или, наоборот, противостояния.

В соответствии с позиционными критериями проанализированы данные 886 политических деятелей из Латвии (363), Литвы (252) и Эстонии (271): 53% – представители парламентов, 40% – представители правительств, 7% – президенты и их аппараты. Применены специальные «фильтры» (не менее одного года на министерской позиции, не менее двух сроков в качестве депутата парламента и т.д.), позволяющие отсеять нерелевантных политических деятелей.

В параграфе 2.2 **«Качественный подход»** проанализированы возможности репутационных характеристик, ставящие анализ элит в зависимость от их репутации, влияния и выявляемые через оценочные суждения квалифицированных экспертов.

Опросы экспертов (ученых-политологов, социологов, международников, историков, на регулярной основе изучающих различные аспекты участия властных групп в политической жизни страны), а также представителей СМИ (главных редакторов, а также обозревателей, в течение длительного времени задействованных в информационно-аналитическом освещении деятельности властных групп) позволяют выявить нюансы, «схватить» специфику структурно-функциональных преобразований политической элиты и ее становления в динамике, осмыслить неформальное измерение внутриэлитного взаимодействия, которое при позиционном подходе остается за рамками рассмотрения.

Для разъяснения вопросов, имеющих принципиальное значение, использована техника глубинных интервью. Автором проведено 53 глубинных интервью, в т.ч. с 17 значимыми парламентариями Латвии, Литвы и Эстонии (удерживавшими депутатский мандат несколько электоральных циклов), с 8 бывшими министрами (обороны, экономики, иностранных дел, культуры, транспорта) и советниками премьер-министров, с 3 бывшими председателями парламентов и председателями правительств. Особый интерес представляют глубинные интервью с двумя бывшими президентами Латвии и Литвы – В. Затлерсом и В. Адамкусом.

В параграфе 2.3 **«Комбинирование методик»** предложено сочетание количественного и качественного инструментария с опорой на десизионный подход, который ставит отнесение того или иного лица к элите в зависимость от реконструкции сложного, полиаспектного социального, историко-политического контекста при принятии властными группами решений, имеющих важное государственное значение.

В странах Прибалтики к «узловым моментам» отнесены значимые внутриполитические и внешнеполитические события: разработка и внедрение концепции континуитета государственности в начале 1990-х гг.; импичмент президента Литвы Р. Паксаса в 2003 г.; «апрельский кризис» в Эстонии в связи с переносом «Бронзового солдата» в 2007 г.; роспуск парламента Латвии президентом В. Затлерсом в 2011 г.; вступление стран Прибалтики в 2004 г. в ЕС и НАТО и др.

Применение десизионного подхода соотнесено со спецификой реализации принципа конституционализма, т.е. организацией политической системы общества в соответствии с Конституциями стран Прибалтики. Учет положений основных законов Латвии, Литвы и Эстонии направлен на определение институциональных рамок взаимодействия различных внутриэлитных групп (парламентских, правительственных, президентских).

В главе III **«Структурная динамика властных групп в Латвии, Литве и Эстонии»** проанализированы изменения состава политических элит стран Прибалтики после провозглашения независимости и выхода из состава СССР. С опорой на обширный блок собранных эмпирических данных, многие из которых впервые введены в научный оборот, проведен сравнительный анализ политических элит Латвии, Литвы и Эстонии с учетом новейших тенденций их структурных изменений. Выявлены четыре основные элитные группы, комбинации которых определяли внутреннюю структуру властных групп стран Прибалтики в рассматриваемый период.

В параграфе 3.1 **«Политики морали»** проанализирована первая группа, в которую входят представители гуманитарной, научной интеллигенции и творческих профессий. Сделан вывод, что активное восхождение на руководящие позиции представителей данной группы на начальном этапе является чертой, соответствующей трансформационному процессу не только в странах Прибалтики, но и ряде государств Восточной Европы. Запрос на перемены, рост недоверия к партийным и особенно центральным органам управления, обусловленный системным кризисом позднесоветской политико-экономической модели, позволил гуманитарной интеллигенции стать значимым каналом элитного рекрутирования.

Выявлена специфика данного процесса в странах Прибалтики – поступательное «вызревание» множества общественных движений, дискуссионных клубов, создававшихся при активном участии писателей, журналистов, философов, деятелей церкви, которые постепенно наращивали уровень политических требований, переходя к центробежным установкам. Свое структурное обрамление данные процессы получили в виде Народных фронтов в Латвии и Эстонии, «Саюдиса» в Литве, националистически настроенных Конгрессов граждан Латвии и Эстонии. Наибольшим влиянием в них пользовались «политики морали».

Несмотря на первоначальные колебания, ключевым политическим сюжетом для них стало отмежевание от Советского Союза, для чего «политиками морали» стран Прибалтики был выбран универсальный подход – реализация идеи континуитета, преемственности довоенной государственности, отвергающей советский период. Соответствующие нормативные документы в приоритетном порядке были приняты Верховными советами Латвии, Литвы и Эстонии после выборов 1990 г., по результатам которых Народные фронты, «Саюдис» получили большинство депутатских мест. Данное решение оказало ключевое воздействие на весь комплекс внутри- и внешнеполитических отношений стран Прибалтики в постсоветский период, обусловив ряд расколов в обществах данных стран. Оно придало импульс идее «возвращения на Запад», надолго законсервировав в Латвии и Эстонии проблему «неграждан» и сформировав долгосрочный негативный крен в отношениях с Россией на основе темы «компенсаций» за «оккупацию» и территориальных претензий.

Анализ персонального состава политических элит Латвии, Литвы и Эстонии показал, что на современном этапе количество представителей творческих и научных кругов по-прежнему значительно (до 40% в отдельные электоральные циклы). Однако данный показатель не следует интерпретировать как подтверждение того, будто «политики морали» до сих пор сохраняют ведущее влияние в политическом процессе стран Прибалтики. Значимость принимавшихся на начальном этапе «политиками морали» решений по степени своего влияния на все сферы жизни государства не сопоставима с тем вкладом, который вносят ученые, журналисты или актеры, оказавшиеся во власти в наше время. Если на начальном этапе политических изменений речь шла о формировании фундаментальных оснований, определявших функционирование политических систем Латвии, Литвы и Эстонии, то сегодня – в основном о качественном информационно-аналитическом сопровождении политического процесса, а в отдельных случаях и о популистских проектах. Представители интеллигенции, сумев занять командные высоты (нередко по линии министерств иностранных дел и обороны, в основном – в парламентском сегменте, в т.ч. в Европейском парламенте), постепенно оказались вытеснены на обочину политической жизни теми, кто лучше владел навыками внутриэлитной борьбы.

В параграфе 3.2 «**Экс-номенклатура**» проанализированы изменения такой властной группы, как выходцы из партийно-управленческих структур советского периода. Роль представителей экс-номенклатуры значима для всех стран Прибалтики в контексте процесса приватизации.

Установлено, что после запрета коммунистических партий в Латвии, Литве и Эстонии в 1991 г. значительная часть представителей экс-номенклатуры сумела сохраниться в качестве участников новой политической жизни в силу ряда обстоятельств. Во-первых, благодаря конъюнктурному развороту в своих политико-идеологических установках с постепенной солидаризацией с повесткой дня, сформулированной «политиками морали» совместно с выходцами из зарубежных диаспор. Во-вторых, управленческий опыт, навыки решения конкретных хозяйственных проблем, остро стоявших перед обществами стран Прибалтики в

начале 1990-х гг., позволили бывшим партийным деятелям превзойти «политиков морали», которые в основном такими компетенциями не обладали. Это нашло свое отражение в их карьерных траекториях. Если «политики морали» на внутристрановом уровне, как правило, переходили в парламентский и дипломатический корпус, то экс-номенклатура – в структуры исполнительной власти. Если «политики морали» на наднациональном уровне (после 2004 г.) были представлены в основном в Европарламенте, что особенно свойственно Латвии, то участники властных групп, имеющие опыт членства в компартиях, чаще становились комиссарами Еврокомиссии.

Представители КПСС сумели сохраниться не только на депутатском, министерском уровне, но и на президентском: в Латвии – Г. Улманис и А. Берзиньш, в Литве – А. Бразаускас и Д. Грибаускайте, в Эстонии – А. Рюйтель. Но спектр их политических возможностей был существенно сужен, ограничен теми «красными линиями», которые были установлены по инициативе «политиков морали» и представителей зарубежных диаспор.

Выявлено значимое участие, наиболее характерное для Латвии и Литвы, выходцев из республиканских компартий в процессах приватизации. Тесная спайка с предпринимательскими кругами интерпретирована как попытка создания защитной опоры, укрепляющей положение экс-номенклатуры в изменившихся условиях. В меньшей степени это присуще Эстонии, где приватизация проводилась в основном в интересах иностранного капитала и, как правило, без участия прежних властных групп.

Количественный анализ показал, что к настоящему времени представители властных групп советского периода постепенно «вымываются» из политического процесса: если на начальном этапе их удельный вес приближался к 45%, то к настоящему времени речь идёт о 5-10%. Конкурирующими элитными фракциями (в основном это праворадикальные политические силы, опирающиеся на националистические установки) коммунистический опыт рассматривается как слабое место, «ахиллесова пята» и используется для давления на оппонентов с целью полного вытеснения экс-номенклатурных «осколков» из властных групп.

В параграфе 3.3 «Зарубежные диаспоры» проанализирована группа, небольшая в количественном отношении, но значимая с точки зрения влияния на политические изменения в стране, – выходцы из зарубежных латышских, литовских и эстонских эмигрантских общин. По сравнению с остальными сегментами властных групп представители зарубежных диаспор (в основном из США, Канады, Швеции, Германии) всегда составляли меньшинство – не более 4%.

Выявлены их приоритетные профессиональные сферы – международные отношения и вопросы безопасности. Представители зарубежных диаспор в основном занимали руководящие позиции в странах Прибалтики в министерствах иностранных дел и министерствах обороны, а также в профильных парламентских комитетах (в случае Эстонии также привлекались к организации приватизации и перестройке банковского сектора). В процессах приватизации они участвовали преимущественно в качестве менторов, делясь западным опытом, либо в качестве посредников (как правило, на позициях советников премьер-

министров), обеспечивая привлечение иностранных инвесторов из стран своего прежнего проживания.

С начала 1990-х гг. выходцы из эмигрантских кругов неоднократно претендовали на президентские посты в Латвии, Литве и Эстонии. Добиться высшей государственной позиции смогли: бывший гражданин США В. Адамкус – президент Литвы в 1998-2003 гг. и в 2003-2009 гг.; бывшая гражданка Канады В. Вике-Фрейберга – президент Латвии в 1999-2007 гг.; бывший гражданин США Т.Х. Ильвес – президент Эстонии в 2006-2016 гг.

Выявлены специфические функции, присущие представителям зарубежных диаспор. Во-первых, символическая – в буквальном смысле олицетворение континуитета, преемственности досоветской государственности (ряд из них были членами семей государственных деятелей стран Прибалтики еще довоенного времени). Во-вторых, практическая – содействие формированию дипломатической системы с опорой на накопленные за рубежом международные связи, активное продвижение идеи «возвращения в Европу», реализация программы действий по интеграции Латвии, Литвы и Эстонии в Европейский союз и НАТО, а также закрепление евроатлантического консенсуса среди властных групп.

К настоящему времени присутствие представителей зарубежных диаспор приобрело практически единичный характер. В современных условиях их прежде особая роль «проводников» в мир западной дипломатии утратила свой уникальный статус, став доступной представителям иных властных групп – как выходцам из экс-номенклатуры, так и из бизнес-сообщества.

В параграфе 3.4 «**Бизнес-сообщество**» обобщены данные о рекрутировании представителей коммерческих кругов в политические элиты стран Прибалтики. Поступательное наращивание количественного присутствия бизнесменов во властных кругах Латвии, Литвы и Эстонии происходило с середины 1990-х гг., совпав по времени с преодолением пика приватизации в данных странах и основными экономическими реформами. К 2000 гг. число миллионеров в странах Прибалтики в десятки раз превысило количество кресел в парламентах. В этот период отмечен всплеск интереса бизнеса к борьбе за депутатские мандаты. До сих пор количество выходцев из бизнеса сохраняется на существенном уровне, составляя более 30% властных групп Латвии, Литвы и Эстонии.

Несмотря на значимое численное превосходство по сравнению с другими элитными фракциями, выходцы из коммерческих кругов в целом редко озвучивают собственную, отличающуюся от общепринятой позицию по международным вопросам, не претендуя на глубокие изменения (например, во внешнеполитических приоритетах) и в основном заняты внутривластной повесткой.

Выявлена прямая связь с основными хозяйственными отраслями, представители которых чаще всего попадают во власть: транспорт (транзит грузов и логистика), финансовые и банковские услуги, недвижимость, продукты питания, телекоммуникации, строительство, энергетика. По результатам выборов выходцы из бизнеса нередко возглавляют профильные парламентские комитеты (по финансам и бюджету, по экономике и т.д.) и правительственные ведомства. При

этом министерства иностранных дел и министерства обороны, как правило, находятся вне их карьерных притязаний.

Определено изменение характера участия выходцев из бизнес-кругов в политических элитах стран Прибалтики. Так, владельцы крупных компаний постепенно переходят от личного руководства министерствами (или правительством в целом), парламентскими комитетами и партиями к делегированию своих представителей в органы государственной власти, в т.ч. в рамках формирования коалиций. Основным инструментом реализации ими своих интересов, учитывая значимую роль парламентов в политической системе Латвии, Литвы и Эстонии, – создание и продвижение новых или значительная финансовая поддержка уже существующих политических партий.

Одним из следствий интенсивного участия представителей коммерческого сектора во внутриполитической жизни стало укрепление неформального измерения внутриэлитного взаимодействия. Если в рамках внутриэлитной борьбы в отношении экс-номенклатуры использовался тезис об их советском, коммунистическом прошлом, то в отношении бизнесменов, получавших руководящие позиции, нередко выдвигались обвинения в политической коррупции.

В главе IV **«Внутриэлитное взаимодействие в странах Прибалтики»** рассмотрены основные внутриполитические факторы, обуславливающие трансформацию властных групп Латвии, Литвы и Эстонии: проанализирована этническая составляющая, показано значение исторической политики и охарактеризовано неформальное измерение политического процесса.

В параграфе 4.1 **«Этнические аспекты политического процесса в Латвии, Литве и Эстонии»** рассмотрено влияние этнической составляющей на политический процесс в странах Прибалтики. Возможности нетитульных групп населения (в Латвии – русские, в Литве – поляки и русские, в Эстонии – русские) по вхождению в состав политических элит ограничены.

Этнократический характер внутриэлитного взаимодействия в странах Прибалтики укоренился в начальный период независимости. Данный подход позволил придать титульным группам привилегированное положение. Введенные институциональные барьеры обеспечили «герметизацию» политического процесса: затруднили доступ (полякам в Литве) или отсекали («неграждан» в Латвии и Эстонии, большинство из которых – русские) из элитного рекрутирования «чужаков». В Литве, где института «безгражданства» нет, в этих целях используются механизмы публичного давления, в т.ч. с привлечением специальных служб, которые маркируют видных представителей нетитульных групп в качестве «пятой колонны», нелояльной государственным приоритетам. Включение представителей «Избирательной акции поляков Литвы» в правящую коалицию и регулярные нападки на них консервируют внутриполитические противоречия. Анализ «узловых сюжетов» в этнополитической сфере (длительный конфликт в Литве с польским меньшинством, выборы «неграждан» в «Парламент непредставленных» Латвии в 2013 г., «Бронзовая ночь» в Эстонии накануне парламентских выборов 2007 г.) показал, что титульные группы, используя данный раскол, стремятся укрепить свое положение в элите.

В основном представителям нетитульных групп доступно вхождение в парламентский сегмент элит, тогда как обладание министерскими позициями носит единичный характер (в Литве это характерно для польского меньшинства, в Латвии и Эстонии – русскоязычных граждан).

В параграфе 4.2 **«Фактор «наследия прошлого» в становлении властных групп стран Прибалтики»** проведен анализ исторической политики властных групп стран Прибалтики на современном этапе, дана оценка ее влияния на внутривластную стабильность и легитимность элит. Историческая политика реализуется властными группами Латвии, Литвы и Эстонии в целом с общих позиций и во взаимной координации на межгосударственном уровне. В ее основе: концепция преемственности с довоенной государственностью, отказ от продолжения советского периода, последовательное уравнивание нацизма и коммунизма как преступных тоталитарных режимов, перенос ответственности за развязывание Второй мировой войны на Советский Союз (Россию), обвинения в «геноциде» титульного населения стран Прибалтики, требование компенсаций за ущерб, причиненный «советской оккупацией».

Наиболее активную роль в продвижении данных установок играют выходцы из радикальных сегментов литовского «Саюдиса», Конгрессов граждан Латвии и Эстонии, националистических сил, а также представители зарубежной диаспоры, вошедшие в политические элиты. Условием успешной политической карьеры становится строгое соответствие установленным ими «красным линиям». Несогласие с ними приводит к маргинализации политического деятеля, его вытеснению из властных групп, а в случае Латвии и Литвы – к юридической ответственности, вплоть до уголовной, при отрицании советской «оккупации».

Выделены основные этапы оформления исторической политики стран Прибалтики. В ходе первого (начало 1990-х – середина 2000-х гг.) произошло оформление доктрин «возвращения на Запад» и «советской оккупации», которые служили средством привлечения электората и обоснования легитимности властных групп, пришедших на смену советскому руководству. Второй этап, после вступления Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО и ЕС в 2004 г., привел не к снижению внимания к данным темам, а напротив – к усилению исторических претензий к России и подавлению альтернативных взглядов на историческую политику внутри стран Прибалтики. На рубеже 2010-х гг. оформилась основная тенденция третьего этапа – скоординированные усилия Вильнюса, Риги и Таллина, а также ряда восточноевропейских столиц по выведению темы уравнивания нацизма и коммунизма на уровень ЕС, размыванию консенсуса в ЕС относительно Холокоста и содействию пересмотру роли СССР во Второй мировой войне. Одновременно фактор негативных последствий «наследия прошлого» используется властными группами в качестве универсального средства объяснения многих внутривластных проблем.

В параграфе 4.3 **«Неформальное измерение внутриэлитного взаимодействия»** рассмотрена роль неформальных институтов в отношениях политических элит Латвии, Литвы и Эстонии. При помощи глубинных интервью выявлено, что присоединение стран Прибалтики к Европейскому союзу «приглу-

шило» остроту «теневых» внутриэлитных практик, но их влияние оценивается по-прежнему как значительное. Доверие политическим институтам в период 2005 – 2019 гг. заметно снизилось, в случае Латвии и Литвы основные показатели существенно ниже средних индикаторов по ЕС.

Среди негативных эффектов значится избирательный подход к организации политического процесса (создание преференциальных условий для конкретных элитных фракций), декоративность соблюдения демократических принципов, систематическое использование нормативных процедур для легализации закулисных внутриэлитных договоренностей. Наименьшее распространение неформальных практик характерно для Эстонии и проявляется в основном в виде политической коррупции преимущественно на правительственном уровне, а также манипуляций с финансированием партий. Неформальные практики, связанные с доминированием бизнеса в политическом процессе, в Латвии («выборы» президента Латвии на встрече влиятельных бизнесменов в Рижском зоопарке в 2007 г.) и Литве (подкуп членов парламента в интересах бизнес-концерна «MG Baltic» в 2017 г.) привели к внутривнутриполитическим кризисам.

На основе материалов глубинных интервью проведена типологизация неформальных практик, распространенных среди элит стран Прибалтики. Ряд практик, в частности, неформальное согласование интересов различных властных групп, служат поддержанию формальных институтов. Вместе с тем, широко распространены неформальные практики, которые ослабляют политические институты, снижают управляемость общественными процессами, усиливают коррупцию. Их искоренению препятствует сложившаяся внутренняя структура политических элит. Внутриэлитная конкуренция ограничена, по сути, этнократическими рамками лояльности. Это сужает поле политической конкуренции, препятствует обновлению элит, блокирует развитие демократических институтов, придавая им фасадный характер.

В главе V «Внешняя политика элит стран Прибалтики» элиты Латвии, Литвы и Эстонии рассмотрены через призму внешнего фактора и их роли в международных делах. Оценена политика на российском направлении, представлены прогнозы развития отношений с руководством стран Прибалтики.

В параграфе 5.1 «Элиты малых стран в международных делах» проанализированы внешнеполитические пределы и возможности властных групп малых стран. Дано определение малой страны в соответствии с функциональным подходом (в зависимости от роли, функции государства в международных отношениях). Элиты малых стран существенно зависят от воздействия внешнеполитической среды, которая оказывает значимое внутривнутриполитическое влияние, приводя к ослаблению или укреплению тех или иных элитных фракций.

Добиваясь повышения своей роли в международных делах, элиты малых стран, учитывая объективно меньший (по сравнению с крупными государствами) набор доступных им возможностей, в качестве приоритетного приложения своих усилий выделяют определённую «нишу» (внешнеполитическую специализацию) страны. Основные внешнеполитические «ниши», доступные элитам малых стран: в сфере торговли – «посредник» (мост), в сфере обороны – «привратник»

(форпост), в сфере идеологии – «миссионер» (маяк, популяризатор ценностей, проводник влияния более крупной страны или союза). К настоящему времени элиты стран Прибалтики внешнюю политику проводят преимущественно в рамках двух последних «ниш».

В параграфе 5.2 **«Выбор властными группами евроатлантического курса Латвии, Литвы и Эстонии»** проанализирован процесс выработки внешнеполитического курса элитами стран Прибалтики после провозглашения независимости. Действия по политико-дипломатическому, законодательному закреплению евроатлантического вектора внешней политики стран Прибалтики, построению натоцентричной системы безопасности и отказу от принятия нейтрального статуса были предприняты властными группами в первые постсоветские годы.

После вывода российских войск из Литвы (1993 г.), Латвии и Эстонии (1994 г.) данный процесс получил мощный импульс, по вопросу евроатлантического курса сложился внутриэлитный консенсус (хотя и не сразу, о чем свидетельствовали, например, высказывания в пользу внешнеполитического нейтралитета лидеров Центристской партии Эстонии или Партии народного согласия Латвии). Общества стран Прибалтики до конца 1990-х гг. оставались расколотыми по вопросу присоединения к ЕС и НАТО, количество сторонников вступления колебалось в пределах 30-40%. Элитам в целях укоренения идеи евроатлантической интеграции пришлось использовать инструменты воздействия на общественное мнение. Помимо прочего, властные группы стран Прибалтики эксплуатировали «российский фактор» сугубо как угрозу безопасности.

Анализ глубинных интервью показал, что форсированное присоединение к основным институтам западной интеграции привело к утрате «большой идеи»: цель «возвращения на Запад», служившая важным фактором внутриэлитного взаимодействия и мобилизации электората, была достигнута, а новая не сформулирована. Одним из последствий этого стал всплеск популистских политических проектов: «Кому принадлежит государство» в Латвии, «Партия национального возрождения» и «Путь мужества» в Литве, Консервативная народная партия в Эстонии. На фоне иммиграционного кризиса в ЕС появились и евроскептические настроения. Дефицит новых «больших идей» властные группы стран Прибалтики пытаются компенсировать своей активностью на постсоветском пространстве в логике геополитического «сдерживания» России.

В параграфе 5.3 **«Восточное партнерство во внешнеполитических приоритетах элит стран Прибалтики»** осмыслены «узловые моменты» участия элит стран Прибалтики в международных делах после вступления в Европейский союз, включая председательства Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС. Ход, задачи и результаты этих председательств проанализированы через призму приоритетной роли, которую элиты стран Прибалтики придают продвижению программы «Восточное партнерство».

Обосновано, что дипломатическая активность на пространстве бывшего СССР рассматривается властными группами стран Прибалтики как инструмент, во-первых, закрепления своего статуса «настоящих европейцев» с востребован-

ной внешнеполитической специализацией, во-вторых, как средство тиражирования прибалтийского опыта форсированной евроатлантической интеграции и, в-третьих, как способ «сдерживания», ослабления российских позиций на постсоветском пространстве. Наибольшую вовлеченность в данные процессы демонстрируют властные группы Литвы, в период председательства которой саммит «Восточного партнерства» в Вильнюсе привел к катастрофическим последствиям для Украины.

Элиты Латвии, Литвы и Эстонии предпринимают скоординированные усилия по сохранению «Восточного партнерства» среди приоритетов ЕС. При этом восточная политика ЕС трактуется ими в терминах геополитической борьбы с Россией. Заметную роль в укоренении таких взглядов сыграли представители литовских, латышских и эстонских эмигрантских кругов (в основном в США), вернувшиеся в активную политику и занимавшие значимые позиции в руководстве стран Прибалтики. Председательства Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС, элиты которых претендуют на роль «экспортеров» западных ценностей, не способствовали улучшению отношений между Россией и Евросоюзом.

В параграфе 5.4 **«Подход элит Латвии, Литвы и Эстонии к отношениям с Россией»** проанализирована специфика выстраивания властными группами стран Прибалтики отношений с Россией. В целом действия элит Латвии, Литвы и Эстонии на российском направлении, несмотря на отдельные страновые и «косметические» отличия, определяются конфронтационным подходом. Ухудшение политического диалога длительное время компенсировалось разносторонними бизнес-связями России со странами Прибалтики. Однако после 2014 г. конфронтационный подход получил мощный импульс, постепенно был существенно понижен и уровень торгово-экономического сотрудничества.

Властные группы стран Прибалтики для разрешения спорных вопросов с Россией идут не на погашение рисков, а взвинчивают противоречия, относясь к России как к «стране-угрозе», и тем самым стремятся укрепить свою субъектность в международных делах. Основные характеристики такого подхода: акцентирование противоречий и несогласие с международными форматами, включающими «страну-угрозу»; стремление к отсоединению от транспортной, энергетической и даже гуманитарной инфраструктуры, связывающей со «страной-угрозой», под предлогом безопасности; конфронтационная символическая политика, в первую очередь, в сфере исторической памяти; формирование структур, нацеленных на выдвижение и воспроизводство претензий к «стране-угрозе», в том числе требование компенсаций за «оккупацию».

Инструментальный характер такого подхода служит конкретным внутри- и внешнеполитическим целям властных групп. Так, «оккупационная» доктрина обеспечивает юридический фундамент для решения экономических (реституция собственности, ограничения прав нетитульного населения), политических (мобилизация электората на выборах), идеологических (укрепление легитимности сложившегося режима) задач. «Российской угрозой» обосновываются претензии элит Латвии, Литвы и Эстонии на дополнительное внимание к себе США, НАТО, отдельных стран ЕС, получение от них гарантий безопасности и

допуска к общеевропейским делам (особенно в части продвижения исторических оценок Второй мировой войны, для чего президентом Литвы Г. Науседой было использовано даже заседание Евросовета в июле 2020 г. по финансовым вопросам и борьбе с последствиями COVID-19). Длительное воспроизводство конфронтационного подхода обусловили своего рода институциональный крен в трансформации политических элит Латвии, Литвы и Эстонии. Происходит «отрицательная селекция» – допуск в руководящую когорту получают в основном те, кто не заинтересован в нормализации диалога с Россией.

В параграфе 5.5 **«Перспективы российско-прибалтийского политического диалога»** исследованы прогнозные траектории возможного развития отношений властных групп Латвии, Литвы и Эстонии с Россией.

Выделены три среднесрочных сценария: инерционный (консервирование, «замораживание» ситуации), кооперационный («перезагрузка», прагматизация отношений с опорой в первую очередь на возможности бизнеса) и конфронтационный (кризис странового или субрегионального уровня, не исключающий в силу провокаций использования военной составляющей). Наименьшие перспективы имеет кооперационный сценарий, наибольшие – инерционный. Риск конфронтационного сценария значителен.

С учетом нарастания противоречий в вопросах глобальной безопасности внешнеполитический запрос на переход стран Прибалтики к международной нише «посредника» или «торгового моста» в обозримой перспективе отсутствует. Попытки укрепить экономическую прагматику будут неизбежно квалифицироваться сквозь призму потенциальных военно-политических угроз, способных ослабить внутриэлитный консенсус и привести к риску подрыва позиций НАТО на «передовых рубежах».

В **Заключении** сформулированы основные выводы исследования:

1. В первое десятилетие после обретения независимости оформилась четырехсоставная структура элит стран Прибалтики: «политики морали», экс-номенклатура, выходцы из зарубежных диаспор и представители бизнеса. Такая конфигурация, сочетающая элементы властных групп старого и нового времени, отражала противоречивую атмосферу ранних постсоветских перемен, демонтажа прежних каналов и механизмов рекрутирования элит и их постепенного переформатирования в новых политических условиях.

Латвия, Литва и Эстония демонстрировали схожие закономерности структурной динамики политических элит. Мощный приток творческой интеллигенции на старте независимости через несколько лет сменился возрождением экс-номенклатуры. Обильное рекрутирование кадров советского периода показало, что даже после масштабных политических встрясок элита не может быть создана с нуля. В свою очередь бизнесмены и выходцы из зарубежных латышских, литовских и эстонских диаспор (в основном из США, Канады, Германии и Швеции) образовали новые источники элитного рекрутирования. Присутствие бизнеса во властных группах наиболее характерно для Латвии, где на рубеже 2010-х гг. предприниматели занимали до 60% позиций в кабинете министров и до 30% в парламенте. Выходцев из зарубежных диаспор было немного.

Однако они, не имея численного превосходства, добились высших политических позиций, олицетворяя собой полный разрыв с советским периодом и стратегический курс на форсированную евроатлантическую интеграцию. При схожих основных тенденциях трансформации элит каждая страна Прибалтики демонстрировала свои особенности.

2. К настоящему времени лишь бизнес сохранил существенное присутствие, остальные сегменты постепенно «растворяются». Активное рекрутирование бизнеса в элиты стран Прибалтики способствовало продлению политического долголетия экс-номенклатуры. Стремясь сохраниться в новых условиях, они часто блокировались с «капитанами бизнеса», а нередко и сами бывшие аппаратчики превращались в миллионеров, используя возможности приватизации. К настоящему времени экс-номенклатура, занимавшая руководящие посты вплоть до премьер-министра и президента, лидеров партий, утрачивает свое значение. Они с осторожностью подходили к вопросам внешней политики и безопасности, больше концентрируясь на нейтральных темах торговли, экономики, социального обеспечения. Это позволяло выступать с прагматичными, более понятными избирателям установками, но в то же время приглушало влияние таких политиков. Кроме того, контрастировало с ролью «политиков морали» и выходцев из зарубежных диаспор, с самого начала имевших амбиции архитекторов новых политических режимов стран Прибалтики.

Творческая интеллигенция и вернувшиеся эмигранты, стоявшие в основном на националистических позициях, были нацелены на закрепление евроатлантического интеграционного вектора в качестве безусловного приоритета Латвии, Литвы и Эстонии в сфере внешней политики и безопасности. Именно в период массового присутствия «политиков морали» в органах власти реализован стержневой в рамках создания нового политического порядка принцип континуитета, преемственности постсоветской и досоветской государственности. В его основе – тезис о «прерванной» государственности стран Прибалтики в связи с их присоединением в 1940 г. к Советскому Союзу. Представители зарубежных диаспор (в первую очередь из США) добились нормативного закрепления преемственности с довоенным временем. Советский период маркирован как «оккупация», историческая и культурная «травма».

3. Спустя 30 лет после провозглашения независимости Латвии, Литвы и Эстонии на их политическую авансцену выходит очередное поколение элит. Все больше его представителей не только не имеют опыта членства в компартиях или работы в органах власти в советский период, но и родились после распада Советского Союза. Однако по-прежнему, несмотря на прошедшие десятилетия, используются те же приемы внутриполитической консолидации: если раньше речь шла об отмежевании от союзного Центра, то теперь о «российской угрозе». Не имея советского опыта, они становятся политическими наследниками тех, кто свое становление в качестве элиты основывал на борьбе с советским проектом. Преемственность с досоветской государственностью, евроатлантический вектор, натоцентричная система безопасности и фактор «российской угрозы» не были по существу оспорены ни экс-номенклатурой, ни прагма-

тичным бизнесом. При активном участии «политиков морали» и выходцев из зарубежных диаспор они обрели роль институционального каркаса, несущих опор нового политического порядка, которые теперь определяют для очередных поколений элит пределы допустимого, формируя структурное ядро политического пространства в Латвии, Литве и Эстонии.

Персональное измерение политической борьбы утрачивает в странах Прибалтики свое значение по сравнению с годами обретения независимости. Личность конкретного политика (даже на высших позициях) становится не так важна; его действия, как и властных групп в целом, определяются прокрустовым ложем данной структурной обусловленности.

4. После присоединения к евроатлантическим институтам политические элиты стран Прибалтики утратили прежний идейный заряд, который мог бы служить целям внутривластной консолидации. «Возвращение в Европу» было достигнуто, и местные общества сполна ощутили все плюсы и минусы, которые несет с собой участие в ЕС и НАТО. Эрзац-вариантом новой «большой идеи» стал конфликтный подход к России. Элиты Латвии, Литвы и Эстонии сделали свои государства не «мостом», «посредником» между Востоком и Западом, а странами «одного вопроса» – «экспертами» по «сдерживанию» России. Именно в духе «сдерживания» ими воспринята программа в рамках политики соседства ЕС «Восточное партнерство». Настойчивые попытки властных групп стран Прибалтики стать «маяками» демократизации на постсоветском пространстве и одновременно «привратниками», бдительно охраняющими «рубежи Запада», позволили элитам Латвии, Литвы и Эстонии претендовать в системе западной внешнеполитической субординации на нишу экспортеров западных ценностей. Наибольшей активностью на данном направлении выделяются властные группы Литвы. Во многом благодаря «российскому вопросу» до сих пор сохраняется так называемое прибалтийское единство, хотя бы как идеологическая конструкция, разделяемая элитами трех стран.

5. Идею противостояния с Москвой как бывшим союзным Центром, определявшую политическую жизнь стран Прибалтики многие десятилетия, не стёрли ни время, ни западные союзники, ни некогда тесная торговля и транзитные связи с Россией, ни переход под «зонтик» ЕС и НАТО. Старое противостояние сохранилось и в новейший период. Для элит Латвии, Литвы и Эстонии, под руководством которых реализована евроатлантическая интеграция, Россия из напоминания о прошлой «травме» превратилась в качестве «источника опасности» в средство укрепления собственной субъектности на внутренней и внешней сцене. Отказ от нейтралитета в начале 1990 гг., противодействие значимым экономическим инициативам России в регионе («Северный поток») и попытки подрыва ее позиций на постсоветском пространстве («Восточное партнерство»), претензии на особое мнение в диалоге Россия-ЕС, наращивание на своей территории сил и средств НАТО укладываются в эту магистральную линию поведения. Законодательно закрепленное желание элит стереть 50 лет советского опыта законсервировало основные расколы в обществах стран Прибалтики: языковой, этнический, проблему массового «негражданства».

6. Описанные выше структурные ограничения, инициированные властными группами первых пореформенных лет, оказывают влияние на последующие поколения элит и, несмотря на процедуры демократической сменяемости властных групп, позволяют удерживать господствующее положение сторонникам и наследникам тех сил, которые пришли во власть на заре независимости. Предприняты системные усилия по созданию с помощью тезиса о «российской угрозе» механизма воспроизводства элит и обеспечения лояльности основным идеологическим установкам, укрепления политического контроля. Вместе с тем интерпретация различных «входящих сигналов» в основном через призму угрозы снижает потенциал элит по поиску адекватного ответа на меняющиеся вызовы. Кризисные тенденции в сфере легитимности властных групп, укрепление право-популистских проектов, евроскептических идей на фоне искусственного нагнетания ситуации в сфере безопасности в странах Прибалтики свидетельствуют о постепенном исчерпании возможностей данной системы формирования и воспроизводства политических элит.

7. Переход в российско-прибалтийском политическом диалоге к контактам, которые основаны на взаимных интересах и уважении, затруднен. На отношения с Россией пагубно влияют стремление стран Прибалтики к разрыву логистических, энергетических, культурных, образовательных и иных связей с Россией, ограничения на использование русского языка, историческая политика в духе уравнивания советского и нацистского режимов, требование от России компенсаций и тяготение к переносу конфликтных сюжетов в двусторонних отношениях на общий уровень ЕС. Сохраняются риски нарастания конфронтации, учитывая качественный и количественный рост военной инфраструктуры НАТО в данном регионе.

В российской политике на прибалтийском направлении автор рекомендовал бы придерживаться комбинированного подхода. С одной стороны, твердо отстаивать российские позиции (в т.ч. в части защиты соотечественников) на политическом двустороннем уровне; обращать внимание ООН, институтов ЕС и ведущих государств на проблемы «неграждан», факты необоснованных преследований политических и общественных деятелей, особенно представителей нетитульных групп; исходить из примата российских интересов в торгово-экономическом сотрудничестве; выступать против формирования консенсуса по вопросам исторической памяти на основе «угрозы с Востока». С другой стороны, от взаимодействия с гражданским обществом стран Прибалтики не следует отказываться. Целесообразно разъяснять бесперспективность сохранения конфронтационного настроя по отношению к России, особенно учитывая тревожные социально-экономические и демографические тенденции в странах Прибалтики.

Представляется целесообразным сохранять возможность для возобновления политического диалога в том случае, если элиты Латвии, Литвы и Эстонии (с учетом страновой специфики) продемонстрируют готовность к нормализации повестки. Снятие излишней политизации в двусторонних отношениях соответствует долгосрочным интересам обществ России и стран Прибалтики.

Основные публикации автора по теме исследования:

Монографии (19,5 п.л.):

1. *Смирнов В.А.* Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии: факторы рекрутирования и структурная динамика. Калининград: изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. 182 с.

2. *Смирнов В.А.* Политические элиты в малых странах: вопросы теории. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 151 с.

Разделы в монографиях (2,1 п.л.):

1. *Смирнов В.А.* Литовская диаспора в США как канал элитного рекрутирования в постсоветской Литве / Властные структуры и группы доминирования: Материалы X Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 40-51.

2. *Смирнов В.А.* Политические элиты в трансформирующихся обществах / Политический класс в современном обществе / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: РАПН; РОССПЭН, 2012. С.102-112.

3. *Смирнов В.А.,* Фидря Е.С. Динамика структурных изменений политических элит постсоветской Литвы / Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Изд-во БФУ им. И. Канта, Калининград, 2012. С. 173-199.

Статьи в изданиях Перечня ВАК (15,9 п.л.):

1. *Смирнов В.А.,* Сутырин В.В. Россия как фактор-ирритант для политических элит стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010-2011 годов: экспертный взгляд // Балтийский регион, 2011, № 2 (8). С.146–153.

2. *Смирнов В.А.* Формирование политических элит Литвы на рубеже 1980-1990 гг.: роль «политиков морали» // Балтийский регион, 2011, № 4 (10). С. 18-31.

3. *Смирнов В.А.,* Сутырин В.В. Эволюция подходов к изучению политических элит в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: случай Литвы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Вып. 7. № 2. С. 115-137.

4. *Смирнов В.А.* К вопросу о структурных изменениях политических элит в условиях социальной трансформации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 2. С. 17-27.

5. *Смирнов В.А.* Внутриэлитное взаимодействие в постсоветской Литве: конституционный аспект // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 2. С. 17-27.

6. *Смирнов В.А.,* Фидря Е.С. Трансформация сетей политических элит Литовской Республики в постсоветский период (1992-2012) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Т. 8. № 3. 2012. С. 76-97.

7. *Смирнов В.А.* Рекрутирование политических элит в Прибалтике: роль этнического фактора // Балтийский регион, 2013. № 4 (18). С. 146-159.

8. *Смирнов В.А.* Бизнес-сообщество как бассейн рекрутирования политических элит постсоветской Литвы // Сравнительная политика. 2013. № 3 (13). С.119-127.
9. *Смирнов В.А.* Неформальное измерение политического процесса в Латвии, Литве и Эстонии: к вопросу об основных тенденциях // Власть. 2014. № 11. С. 211-217.
10. *Смирнов В.А., Фидря Е.С.* Рекрутинг политических элит Латвии в 1993–2014 годах // Государственная служба, 2014. № 5 (91). С.106-111.
11. *Смирнов В.А.* К вопросу о роли малых стран в процессах переструктурирования постсоветского пространства (на примере Прибалтики) // Балтийский регион. 2014. № 4 (22). С.48-58.
12. *Смирнов В.А.* Политическое развитие постсоветского пространства: к вопросу о роли политических элит // Вестник факультета политологии МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 6. С.31-52.
13. *Смирнов В.А.* Проблемы взаимодействия формальных и неформальных институтов в странах Прибалтики // Научные ведомости Белгородского государственного университета, серия «История. Политология». Вып. 37. 2016. № 1 (222). С.190-197.
14. *Смирнов В.А.* Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С.78-97.
15. *Смирнов В.А.* Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // Современная Европа. 2016. № 5(71). С. 44-54.
16. *Смирнов В.А.* К вопросу о кризисных тенденциях в сфере легитимности политических режимов стран Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 4. С.51-72.
17. *Смирнов В.А.* К вопросу о моделях действий политических элит // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 4. С. 99-116.
18. *Смирнов В.А.* Международные истоки поведения элит // Международные процессы. 2016. Т 14. № 2 (45). С.23-37.
19. *Смирнов В.А.* Проблемы выбора внешнеполитической ниши малыми государствами (на примере стран Прибалтики) // Вестник МГИМО. 2015. № 6 (45). С.135-145.
20. *Смирнов В.А.* Об основных прогнозах действий политических элит Прибалтики: сценарный подход // Балтийский регион. 2016. Т.8. № 3. С. 113–132.
21. *Смирнов В.А., Фидря Е.С.* Сравнительный анализ проницаемости каналов рекрутирования властных групп в странах Прибалтики // Власть. 2016. № 9. С. 98-104.
22. *Смирнов В.А.* Проблематика малых стран на примере Прибалтики в работах российских исследователей // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2017. Т.19. № 2. С. 130-139.
23. *Смирнов В.А.* К вопросу о теоретических аспектах изучения политических элит малых государств // Вестник МГИМО. 2017. № 2(53). С.254-265.
24. *Смирнов В.А.* Отношения политических элит стран Прибалтики // По-

литическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т.13. № 1. С. 93-102.

25. *Смирнов В.А.* Теоретико-методологические аспекты институционализации политических элит Прибалтики // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 5. С. 79-90.

26. *Смирнов В.А.* Участие стран Прибалтики в политике санкций Евросоюза в отношении России: теоретические аспекты // Вестник Иркутского государственного университета. Политология и религиоведение. 2017. Т.21. С. 56-61.

27. *Смирнов В.А.* К вопросу о роли элит в евроатлантическом выборе Литвы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 2 (8). С.17-24.

28. *Смирнов В.А., Межевич Н.М.* Структурные факторы формирования политических элит в государствах Прибалтики: 1991-2017 // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4-1 (10). С. 67-78.

29. *Смирнов В.А.* Борьба интеграций на постсоветском пространстве: гуманитарное измерение // Современная Европа. 2018. № 6. С. 1-11.

30. *Смирнов В.А.* Прибалтийские государства: возможности и ограничения институционального регионализма // Современная Европа. 2019. № 6. С. 40-47.

31. *Смирнов В.А.* Трансформация политических элит стран Прибалтики: общее и особенное // Балтийский регион. 2020. Т.12, № 3 (в печати).

Статьи в иных изданиях (2 п.л.):

1. *Смирнов В.А., Сытин А.Н.* Страны Балтии в ЕС: единство и своеобразие позиций политических элит // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4 (13). С. 98-118.

2. *Смирнов В.А., Баторшина И.А.* Политические и экономические процессы в странах Балтии в первом полугодии 2012 г. (по материалам коллективной экспертной оценки) // Информационный бюллетень Института Балтийских исследований БФУ им. И. Канта. I – II кварталы 2012. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 101-115.

3. *Смирнов В.А.* Концепция культурной травмы как способ изучения политических систем государств Прибалтики / Будущее региона Балтийского моря: угрозы и возможности : Сб. пленар. докладов междунар. науч. конф. / Российская ассоциация прибалтийских исследований; Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова; Сост. Н.М. Межевич. М.: Ист. память, 2017.

4. *Смирнов В.А.* Политические элиты в современном мире: к вопросу о тенденциях / Материалы Всероссийской политологической конференции «Регион в стране и в мире – тенденции и динамика политического развития» (20.04.2017) // Сб. ст. XI Байкальских международных социально-гуманитарных чтений. Иркутск: изд-во Иркутского гос. ун-та, 2017. С. 49-53.

5. *Смирнов В.А.* Политические элиты малых стран: к вопросу о внешних факторах / Проблема устойчивости политических систем современного мира. Мат-лы междунар. науч. конф. (Санкт Петербург, 28–30.01.2016 г.). СПб, 2017.